

ТЕНЬ СТРЕКОЗЫ

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Тень стрекозы

Серия «Авантюрный детектив»

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127077

Татьяна Полякова: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-16455-3

Аннотация

Эта женщина мне никто – не сестра, не родственница. Но она родилась в тот же день, что и я, носит мое имя. И похожа – отличить просто невозможно! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: она задалась целью примерить на себя мою жизнь... Когда терпению пришел конец, я попыталась скрыться в другом городе. Только это не помогло. Украденной внешности оказалось мало: она решила присвоить и самое дорогое – любовь! Я была уверена – этот кошмар будет преследовать меня всю жизнь... Но вот Светлана Старостина жестоко убита. А я... Я, которая когда-то пыталась всеми силами избавиться от нее, – ни при чем. Однако теперь, когда ненавистный двойник мертв, смыслом моей жизни стало найти убийцу, наказать – и начать жизнь с чистого листа...

Татьяна ПОЛЯКОВА

ТЕНЬ СТРЕКОЗЫ

Лилии Гуциной

Из окружающей ее тьмы белым пятном проступило лицо, и в его глазах она увидела свою смерть. Она хотела закрыть и не могла, замороженно глядя в эти глаза. Он чуть склонил голову, наблюдая за ней без злобы или удовлетворения, скорее с интересом. Наблюдал, как из нее уходит жизнь, как будто не хотел пропустить того момента, когда человек вдруг становится ничем. Когда еще мгновение назад живое существо вдруг превращается в... останки. Она нашла в себе силы усмехнуться этому слову, внезапно пришедшему на ум. Останки чего? Ее дурацких надежд, нелепой жизни. Жизни, которая ей принадлежала только наполовину, как и ее лицо. Неожиданно она ухватила за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. «Какое нелепое сравнение», – вдруг подумала она и тут же увидела себя в бурном потоке. Вот вода заливает ей рот, глаза, а она судорожно хватается все, что оказалось рядом с ней в этом водовороте: какие-то ветки, торчащие из воды, с мокрой слипшейся листвой, – и вместе с собой тащит их на дно. Вместе с собой...

«Я могу ему сказать, я могу! – решила она и даже приоткрыла окровавленные губы. Вкус собственной крови приво-

дил ее в смятение, она вновь отказывалась верить, что все это происходит в действительности. Так много в ее жизни было придуманного, ненастоящего, что теперь собственную величайшую трагедию она отказывалась принимать всерьез. «Я скажу ему, и все прекратится, – подумала она, пытаюсь не замечать его глаз, в которых читала свою смерть. – Он не убьет меня, он решит проверить мои слова, а значит, сохранит мне жизнь. По крайней мере на какое-то время. Главное, выиграть время. Главное, главное...» И тут другая мысль пришла ей в голову, едва не рассмешив: сегодня, сейчас сбылась ее мечта – она наконец-то стала той, кем хотела быть все эти долгие годы. Для него, по крайней мере, так и есть. Невероятная насмешка судьбы. Плата за ничемную жизнь. Ей захотелось кричать теперь уже не от боли, а от дикой, испепеляющей жалости к себе. «Я не хочу! – в отчаянии подумала она. – Еще есть время, я все смогу, все успею, лишь бы сейчас, сию минуту не превратиться в бесчувственное ничто!»

Она пыталась ползти, ей казалось, она прикладывает неимоверные усилия, чтобы сделать несколько движений и уйти от его глаз, но на самом деле все так же лежала, замерев в позе эмбриона. И вдруг – это движение ей далось совсем легко – ее взгляд переместился вниз, и она увидела свои окровавленные руки и собственные внутренности на бетонном полу. Крик ужаса замер в ее горле, она зажмурилась и мысленно зашептала как молитву: «Скорее, скорее уме-

реть».

* * *

За моей спиной хлопнула подъездная дверь, а я воззрилась на небо, ожидая подвоха от петербургской погоды. На небе ни облачка, солнце радуется своим присутствием. Очень может быть, что долгожданная весна действительно явилась слегка внезапно. Впрочем, город знаменит тем, что погода здесь по-особенному капризна. Я взглянула на зонт в своей руке, крепкий, основательный, способный противостоять сильному ветру и оттого довольно тяжелый, и с грустью подумала: вот так всегда – если оставлю его дома, то непременно попаду под дождь, вымокну, подхвачу насморк, а потом, любуясь в зеркале своей физиономией с покрасневшими носом и глазами, в очередной раз дам клятву никогда не покидать дом без зонта, а если возьму его с собой, то он мне, разумеется, не понадобится. Мало того, я непременно забуду его в каком-нибудь кафе, куда придется спешно возвращаться, проклиная свою рассеянность и питерскую погоду.

Петербург не был моим родным городом, но я любила его больше всех городов на свете, вот только погода... Закинув зонт за спину (он у меня на длинном ремешке), я зашагала со двора, миновала арку, вышла к бывшему клубу «Спартак», который несколько лет назад пострадал от пожара и до сих пор стоял с заколоченными дверями и окнами, и оказалась

на Фурштадтской.

В начале Кирочной, где я живу, растет лишь одно дерево, его крона гордо выглядывает из навеса, что рядом с магазином (в навесе специально сделали отверстие). Я обожаю этот город, но родилась в краях, где хватает места и людям, и деревьям, и, чтобы лишний раз не видеть странный симбиоз растения и магазина, предпочитала ходить по Фурштадтской. Особенно сейчас, когда пригретые солнышком деревья готовы подернуться зеленоватой дымкой, чтобы вдруг, в один момент, обзавестись листвой.

На 13.20 у меня была назначена встреча. До нее оставалось еще довольно времени, и я зашла в кофейню – тут же, на Фурштадтской, чтобы выпить капуччино. Я устроилась возле окна, прихлебывала кофе и размышляла о преимуществах свободной профессии: не надо спешить в офис, страшась нагоняя от сердитого босса за очередное опоздание. Впрочем, в каждой профессии есть свои плюсы и минусы, хотя в настоящее время минусов в своей жизни я не видела.

Вообще у меня все складывалось вполне неплохо, если не считать замужества. Полгода я пыталась приспособиться к совершенно чужому человеку, решив, что он спасет меня от глупых мыслей и подоспевшего вслед за неудачной любовной историей пессимизма. Полгода ушло на то, чтобы понять очевидную глупость данной затеи. Любовные драмы не лечат замужеством, если твой избранник попросту тебе безразличен. Мой муж о моем безразличии не догадывался и не

мог взять в толк, чего это вдруг на меня нашло, когда я заговорила о разводе. Развод перешел в затяжную позиционную войну, в которой я несла потери, так как муж был к тому же моим непосредственным начальником на работе. Одному богу ведомо, чем бы все закончилось, если бы мне в голову не пришла счастливая мысль уехать в Петербург. Точнее, если бы моей дальней родственнице, проживавшей там, не пришла фантазия завещать мне квартиру, о чем я узнала с удивлением. Но тут же я усмотрела в этом намек от господина — мол, хватит заниматься ерундой, и через месяц уже работала в весьма солидной петербургской газете. Я считала журналистику своим призванием, за исключением очень короткого периода, когда вообразила себя великим русским поэтом. Но город, встретивший меня вполне гостеприимно, неожиданно внес свои коррективы: я занялась переводами и вполне преуспела в этом. Доставшуюся в наследство квартиру в районе проспекта Энергетиков я вскоре смогла поменять на двухкомнатную на Кирочной и теперь жила в свое удовольствие: ни тебе начальства, ни графика работы, ни ожидания вождя отпусков. По старой памяти я сотрудничала с несколькими газетами, и как раз сегодня должен был выйти мой очерк в одной из них.

Я взглянула на часы, отодвинула пустую чашку, поднялась, накинула куртку, напомнила себе, что я с зонтом, и вышла из кафе. Возле метро в киоске спросила газету, женщина пожала плечами:

– Еще не привезли.

Я бодро зашагала в сторону улицы Восстания, время позволяло к месту встречи добраться пешком. Солнце сияло, в небе ни облачка, люди, с подозрением косясь на небо, нерешительно улыбались, пытаясь понять: верить или не верить заявившейся в город весне, а я начала испытывать странное беспокойство. Предчувствия являлись ко мне часто и никогда не обманывали. Поначалу я решила, что моя маета относится к предстоящей встрече, – ничего путного из нее не выйдет, и вместо выгодного заказа я буду иметь неприятные воспоминания. Но встреча прошла прекрасно, и в смысле выгоды полный порядок. Оттого предчувствия насторожили еще больше: ничего на этот день у меня больше не было запланировано. Вот и гадай теперь, какую пакость подготовила мне судьба.

Я шла по Литейному в сторону своего дома, когда мне позвонила Алка.

– Эй, ты где? – спросила она.

Алка курила практически беспрестанно, оттого голос ее звучал хрипло, точно она с трудом успевала что-то сказать между приступами кашля.

– Иду домой.

– Что тебе там делать? Я в пиццерии на Невском, давай сюда.

– А в пиццерии мне что делать? – съязвила я.

– Есть пиццу, разумеется. Между прочим, мы не виделись

неделю, я соскучилась. А ты, конечно, обо мне даже не вспоминала?

– А кто тебе звонил вчера четыре раза?

– Так это по делу. А для души?

– Ладно, буду через пятнадцать минут, – буркнула я, меняя направление.

В пиццерии Алка с видом мученицы разглядывала свои ногти. Она поцеловала меня и кивнула на газету, которая лежала на столе возле ее локтя.

– Читала. Ты молодец. Слушай, почему бы тебе не написать книгу?

– Детектив? – усмехнулась я и потянулась за газетой. Но тут подошла официантка, и я сделала заказ.

– Нет, серьезно, – вновь заговорила Алка, как только девушка отошла. – По-моему, тебе есть что сказать миру.

– Лучше он от этого не станет.

– Как знать, как знать...

Алка была на семь лет старше. Поэтому она считала своим долгом меня опекать, вбив себе в голову, что я трачу время на ерунду и оправдывает меня лишь то, что ерунда приносит неплохие деньги.

– Грех зарывать в землю свой талант, – изрекла она сурово.

Я пожала плечами:

– Я сильно сомневаюсь в его наличии.

На эту тему Алка могла говорить бесконечно. Как все ло-

дыри, она не терпела, когда рядом кто-то не выказывал особого рвения к работе. Должность замредактора в бульварной газетенке ее вполне устраивала, и в своей жизни менять она ничего не собиралась.

– У тебя полно талантов, – махнула она рукой, точно мать на нерадивое чадо. – И не вздумай возражать. Иногда я даже думаю, что для одного человека их слишком. Если не считать неудачного замужества...

– Ты забываешь грустную историю моей любви, – засмеялась я. – Я ведь тебе рассказывала?

– Раз десять, я полагаю.

– Вот видишь. Мне не везет с мужчинами. Зато везет с деньгами. Сегодня точно повезло.

Пока мы ели пищу, я поведала Алке о сегодняшней встрече и своих перспективах. Она кивала, невнятно мыча в ответ что-то одобрительное.

– Жаль, что обед заканчивается, – вздохнула Алка. – Так бы сидела и глазела в окно...

– Вряд ли бы тебя хватило надолго.

– Все-то ты знаешь, – хмыкнула она. – А очерк действительно хороший. Знаешь, иногда я непроизвольно тобой восхищаюсь.

Алка поцеловала меня на прощание и заспешила к выходу. Я понаблюдала в окно, как она переходит улицу. Когда она растворилась в толпе, я еще немного поглазела без всякой цели, потом придвинула к себе газету. Те времена, когда

я с трепетом ждала публикации своих творений, давно канули в прошлое, но некое волнение все равно присутствовало. Сегодня оно усугублялось предчувствием. Непонятным, оттого еще более раздражающим. Пока я болтала с Алкой, оно вроде бы отступило, зато теперь навалилось с новой силой. Невероятно, но руки у меня дрожали, когда я разворачивала газету.

– Черт-те что! – усмехнулась я. Даже если очерк безбожно сократили, забыв поставить меня в известность, это не повод так нервничать.

Через несколько минут стало ясно: никто на очерк не посягнул. Никакого карательного редактирования, все, как я задумала. В самом деле не без таланта, и фотография отличная. Весьма интеллигентное лицо, никто не сможет назвать меня безмозглой красоткой, хотя ради этого и пришлось водрузить очки на нос. Маленькая женская хитрость. Вот они лежат в сумке. Слава богу, вещь для глаз совершенно бесполезная, зато в смысле создания подходящего образа незаменимая.

Я насмешливо хмыкнула, вместе с тем продолжая гадать над причиной своего беспокойства. Оно не только не исчезло, но даже после того, как я убедилась, что очерк оставили в первозданном виде и фотография не подкачала, уверенно перерастало в состояние легкой паники. «Может, я уютю забыла выключить?» – подумала я. Самое бы время после такой мысли вскочить и бежать домой сломя голову, если б не

одно обстоятельство: уют я извлекала из шкафа минимум три дня назад. Это я точно помнила. Однако домой все-таки потянуло.

Я намеревалась уже сложить газету, и тут взгляд мой упал на соседнюю страницу. То есть он и до этого туда падал, но лишь теперь задержался на крохотной заметке с фотографией в черной рамке. Молодая женщина с моим лицом улыбалась мне со снимка, сделанного лет пять назад.

– Идиотизм, – произнесла я вслух. Хорошо хоть себе под нос. Таковое определение относилось к черной рамке, что обрамляла лицо. Светке ничего не стоило выкинуть дурацкую шутку, которую и шуткой-то сочтет лишь такой же больной на всю голову.

Смотреть на свое лицо в черной рамке было неприятно. Сходство в самом деле поразительное. Если б не блузка с рюшами (такой просто не могло быть в моем гардеробе), я бы могла подумать, что кто-то позаимствовал фото из моего архива. Заметка имела подзаголовок: «Памяти нашего товарища Старостиной Светланы». Шутки так далеко не заходят. Кстати, у меня были то же имя и фамилия, пока я не вышла замуж. После развода я оставила себе фамилию мужа: причиной послужило мое желание избавиться от Светки. Вообще избавиться таким образом от нее было немыслимо, но, по крайней мере, мы стали носить разные фамилии. Правда, я ожидала со дня на день, что она выйдет замуж за какого-нибудь гражданина Алексеева только для того, чтобы

вновь стать мною. «Она сумасшедшая», – с печалью подумала я, разглядывая фотографию. Перед глазами плясали буквы, которые весьма неохотно складывались в слова, такие же дурацкие, как Светкина затея быть мною. Как все ее затеи.

– «Памяти нашего товарища», – повторила я и наконец заставила себя прочесть, что там дальше, все еще не веря, что имею дело с мрачной реальностью, а не с очередной идиотской Светкиной выходкой. – «Обнаружен труп... убита в конце ноября прошлого года журналистка, работавшая в нашей газете... талантливый поэт... при невыясненных обстоятельствах... вышла в свет книга очерков... добрый, светлый человек... до сих пор неясно, кому была выгодна ее смерть, правоохранительные органы... в очередной раз приходится констатировать, что следствие не дало никаких результатов...»

Это не могло быть шуткой. Светка действительно погибла. Несколько месяцев назад. Была убита в моем родном городе за сотни километров отсюда. Неудивительно, что я ничего не знала. Кто-то из журналистов случайно узнал об этом, и вот появилась заметка в газете, в которой когда-то Светка работала.

Газета лежала на столе. Две фотографии напротив друг друга – ее и моя. И если б не очки на моей, сходство было бы абсолютным. По крайней мере, на снимках. Светка будто смотрела на меня – на ту, что на фотографии, и загадочно улыбалась, а я пыталась решить, что это: случайность или

указующий перст судьбы.

Разумеется, те, кто верстал газету, не знали о наших странных, чрезвычайно запутанных отношениях, но мне было трудно поверить, что это случайность: мой очерк на одной странице и заметка о Светкиной гибели на другой – как закодированное послание. И еще эти фотографии... Даже сама весть о гибели Светки не подействовала на меня так, как данное обстоятельство. И после смерти она не желала оставить меня в покое, отчаянно цепляясь за меня, не позволяя вырваться.

Я поняла, что уже довольно долго сижу, пялясь в газету, безуспешно пытаюсь справиться с сердцебиением и подкашившей тошнотой. Официантка с недоумением поглядывала в мою сторону. Я заставила себя встряхнуться, достала мобильный и набрала номер редакции. Лена ответила сразу.

– Что тебе не понравилось? – с намеком на удивление спросила она.

– Мне? А... нет, все просто отлично. Я звоню по другому поводу.

– Неужто спасибо сказать?

– Спасибо, – буркнула я машинально. – Здесь на шестой странице заметка о гибели Светланы Старостиной.

– Так и есть. Она работала в нашей газете.

Лена пришла в редакцию уже после Светкиного увольнения и о нашей истории вряд ли знала.

– Мы когда-то вместе работали, – заметила я.

– Вот как?

– Да. Не могла бы ты поподробнее рассказать, что произошло?

– История совершенно дикая. Ее убил какой-то маньяк. Поначалу была версия, что убийство заказное, но вроде бы она не подтвердилась. Хотя кто знает... В любом случае убийца настоящий псих. Говорят, он распорол ей живот. Можешь такое представить? Мишка узнал о ее убийстве из Интернета. Вспомнили, что она работала у нас, вот и написали заметку. Ты ее хорошо знала?

– Более чем.

– Могу соединить тебя с Мишкой. Только вряд ли он знает больше. Наверное, лучше позвонить в редакцию, где она последнее время работала.

– Я так и сделаю. – Я поблагодарила и поспешно простилась, не отрывая взгляда от фотографии. Расплатилась и вышла на улицу.

Особых мыслей в голове моей не наблюдалось. Зато присутствовало странное оцепенение и еще более странная пустота в душе, точно я потеряла близкого человека, хотя еще три года назад мне казалось, что я сама готова убить Светку. Разумеется, это сильное преувеличение, но жизнь она мне портила основательно и умело.

История эта началась давно, несколько лет назад. Я тогда училась на четвертом курсе факультета журналистики и по

мере сил «звездила», потому что, по общему мнению, бог даровал мне не только красоту, но и талант. Слишком много для одного человека. Все давалось мне легко и без усилий. Парни влюблялись если не с первого взгляда, то со второго обязательно, педагоги меня обожали и прочили большое будущее, губернские газеты охотно печатали мои статьи, а главные редакторы с нетерпением ждали, когда я закончу университет и осчастливорю их издание своим присутствием. Предложений было хоть отбавляй. Прибавьте к этому папу банкира, который хоть и развелся с мамой, но, должно быть, чувствуя себя виноватым, тратил на меня деньги без меры, что позволяло мне снимать квартиру в центре с выходом на крышу (я гордо именовала ее пентхаусом), раскатывать на собственной машине и проводить каникулы на Средиземноморье. В общем, не жизнь у меня была, а голубая мечта всех девиц, предмет острой зависти сокурсниц, которые увлеченно обсуждали фасон моей новой юбки и мой очередной роман.

Не думаю, что в то время я была совсем уж безмозглой дурой и такая жизнь мне нравилась. То есть нравилась, конечно, но я надеялась, что вовсе не для этого господь отправил меня в этот мир. Я ждала окончания университета и свято верила, что жизнь моя наполнится тогда смыслом. Иными словами, что есть у меня предназначение...

Я едва не угодила под машину, не заметив красный свет светофора. Водитель махнул рукой, уступая дорогу, а я ма-

пинально улыбнулась. Воспоминания так увлекли, что ничего вокруг я попросту не замечала. А между тем на улицах большого города стоит быть внимательнее. Остановить такси? Но я сразу же отказалась от этой мысли, а потом поняла, что не хочу домой. У меня давняя привычка думать на ходу – чем глубже я погружаюсь в свои мысли, тем быстрее шагаю, иногда развивая прямо-таки фантастическую скорость. Моя мама, помнится, всегда нервно ожидала, наблюдая за мной, что я впечатаюсь лбом в дверной косяк.

Я направилась к Потемкинскому саду. Шла знакомой улицей, не узнавая ее. Странное состояние неожиданного провала во времени... Все-таки удивительно, что смерть Светки так на меня подействовала. А я ведь могла о ней и не узнать, если бы не случайность, если бы не мой очерк в газете... Случайность? Откуда у них ее фотография? Вряд ли из личного дела. Впрочем, у нее была своя страничка в Интернете, стихи, которые ей не принадлежали, рассказы, бестолково пересказанные.

Я вдруг с удивлением поняла, что готова разреветься. Такого со мной не случилось с похорон отца! Неужто наша связь со Светкой была крепче и много сильнее, чем я могла себе вообразить, и эта странная пустота – следствие внезапной утраты? Да, я могла ничего не узнать или узнать, скажем, через несколько лет в разговоре с каким-нибудь общим знакомым. «Ты помнишь Светку Старостину? Она еще так смешно тебя копировала... Так вот, она умерла. Или ее уби-

ли... В общем, какая-то запутанная история». Что бы я почувствовала в этом случае? Недоверие, удивление, растерянность? Или ту же пустоту?

— Я ее терпеть не могла, — произнесла я вслух, а молодой человек, что шел навстречу, посмотрел на меня с недоумением. Сейчас я, наверное, очень похожа на Светку. У нее всегда был слегка очумелый вид, точно она ненароком повстречала привидение и теперь пыталась решить, что это: глюки от неумеренного употребления спиртного или дело еще хуже?

Напиваться до чертиков на студенческих вечеринках считалось у нас хорошим тоном. Впрочем, вряд ли мы в этом смысле проявляли большую оригинальность. На одной из таких вечеринок я и познакомилась со Светкой. Итак, четвертый курс, я в апофеозе всеобщего внимания и радужных ожиданий, папенькина дочка, сорящая деньгами, рядом очередной поклонник, я решаю: отдаться ему сегодня или еще немного помучить? Допиваю коктейль, смотрю на него поверх бокала с загадочной улыбкой и сама себе безумно нравлюсь. Любимое слово «шикарно», любимое изречение «пусть этот мир прогнется под нас». Напротив самый красивый парень на нашем курсе, папенькин сынок, тоже подающий надежды, и я внезапно решаю: «отдамся». А утром я насмешливо скажу, что эта бурная ночь еще не повод для знакомства. Тогда я все решения принимала внезапно и никогда о них не жалела. Жуткая смесь Маты Хари и кисейной барышни.

Так вот... Музыка гремит, вокруг мелькают лица, я готова произнести «я хочу тебя», и вдруг мой сценарий летит к чертям. Первое незапланированное вторжение Светки в мою жизнь. Мой спутник произносит:

– Кстати, хочешь, познакомлю тебя со Светланой Старостиной?

Я еще загадочно улыбаюсь и, пытаюсь избавиться от опьянения, намереваюсь понять, что за чушь он говорит. Светлана Старостина – это я. И, разумеется, другой такой нет и не может быть во вселенной.

– Нет, серьезно, хочешь? Учится на первом курсе. Вы даже похожи. Конечно, ей до тебя далеко, но все равно приколно.

До меня наконец доходит, что он не шутит.

– На первом курсе? На нашем факультете?

– Ну да. Ты не знала? Правда не знала?

– Нет.

Весь мир вращается вокруг меня, на кой черт миру еще одна Светлана Старостина? Кстати, саму себя я называла Лана. То есть так стала называть меня мама. Папа дал мне имя в ее честь, а потом в семье решили, что это не так уж и удобно. Мама осталась Светланой, а я стала Ланой. К восемнадцати годам никому и в голову не приходило называть меня Светой.

– По-моему, она чокнутая, – с воодушевлением продолжает мой кавалер. – С придурью, это уж точно. И она всех о

тебе выспрашивает. Я думал, ты знаешь.

– Что знаю? – хмурюсь я.

– Ну... все это. Она где-то здесь, я ее видел на входе. Познакомить?

– Зачем, скажи на милость? – удивилась я.

Он пожимает плечами:

– Да так, прикольно.

Эта девица меня совсем не занимает. Довольно забавное совпадение: два человека с одинаковыми именами и фамилиями оказались на одном факультете. Ну и что? Не скажешь, что Старостина такая уж редкая фамилия, а об имени и говорить нечего. И ее интерес ко мне вполне объясним: во-первых, первокурсникам до всего есть дело, во-вторых, обо мне ходят легенды. Так что... не вижу повода для знакомства. Хм, я все-таки произнесла заготовленную фразу, хоть и по другому случаю.

Разговор о неведомой девице прекращается, но настроение у меня испортилось, и я решаю, что Славке, тому парню, что сидит напротив, сегодня ничего не обломится. А возможно, и завтра тоже. И вообще никогда. Будет знать, как болтать глупости.

Однако в тот вечер мне все-таки пришлось познакомиться со Светкой. Мне надоели шум и пустые разговоры, и я собралась уходить, а Славка, естественно, вызвался проводить меня. Мы пробирались между столиков к выходу, поминутно останавливаясь, чтобы переброситься парой слов со

знакомыми, и вот тогда я увидела ее. Девушка лет семнадцати, худая до жути, с льняными волосами, рассыпанными по плечам, с дурацкой искусственной розой лилового цвета за ухом, сидела за столом, поджав под себя ноги, и, раскачиваясь в такт, громко декламировала «Девушка пела в церковном хоре...». Похоже, занималась она этим довольно давно, голос слегка охрип, слушателей по соседству не наблюдалось. На нее вообще не обращали внимания – может, привыкли, а может, сторонились как чумной. Вокруг орали, курили, смеялись, танцевали – обычная студенческая оргия в самом разгаре, а она, прикрыв веки, раскачивалась все сильнее и пыталась переорать этот гам. Амплитуда колебаний выглядела угрожающе, по идее, она уже должна была свалиться со стула.

Я замерла в двух шагах от нее, ожидая, свалится она в конце концов или нет. Славка налетел на меня, пробормотал извинения и, обнаружив предмет моего интереса, наклонился, прошептал мне в ухо:

– Это она.

К тому моменту я и сама догадалась. Определение «с придурию» ей очень подходило. Особого сходства я между нами не обнаружила, и это было уже хорошо. Прикрыв глаза еще больше и наблюдая за мной из-под полуопущенных ресниц, девушка начала декламировать другое стихотворение – длинное, явно собственного сочинения: «Тихо ковбой поет о ненастье заунывную песню техасских бродяг». Ничего неле-

пее и бездарнее придумать невозможно, но она читала с огромным воодушевлением и явно для меня, а произнеся последнюю строчку, сделала паузу и даже открыла глаза.

– Стихи твои? – спросила я.

Девушка вызывала странное чувство: безгловую жалость пополам с любопытством. Так иногда прохожие поглядывают на жуткие язвы нищих, уверяя себя, что они поддельные, и все-таки надеясь, что настоящие.

– Мои, – гордо ответила она, глядя мне в глаза.

– Дрянные, – кивнула я, но без насмешки или презрения, просто констатировала факт.

– Я знаю, – вздохнула Светка. – Ты тоже стихи пишешь?

– Пишу.

– Почитай, – улыбнулась она.

– Здесь? – подняла я брови.

– Почему бы и нет? – Она вроде бы меня провоцировала, проверяла на прочность.

– Знаешь основное правило удачи? – спросила я. – Оказаться в нужном месте в нужное время. И избегать неподходящих мест.

– Чем это место плохо? – задиристо спросила она.

– Горло можно сорвать, – ответила я и пошла к выходу.

Славка топал рядом.

– Как она тебе? – спросил он уже возле гардероба.

– Нормально, – пожала я плечами. – Очень хочет выпендриться, но не умеет.

По части выпендриться сама я была непревзойденной мастерицей. Светка вынырнула из-за моей спины.

– А улица подходящее место? – спросила хмуро.

Я сама виновата. Надо было идти себе мимо, а не задаваться вопросом, свалится она со стула или нет.

Несмотря на задиристый вид, чувствовалось, что она очень боится моего категоричного отказа. Разумеется, если я ее сейчас пошлю, она гордо вскинет голову или скажет весело: «О'кей, в следующий раз», – но ей зачем-то очень надо было со мной поговорить.

– Ладно, – кивнула я, удивляясь своей покладистости. – Идем.

И мы вышли из бара.

– Может, на такси? – робко предложил Славка. Перспектива двигать пешком пять троллейбусных остановок, при этом слушая декламации юных прелестниц, его явно не прельщала. То, что ничего ему не обломится, он уже понял и, как нормальный человек, хотел выжать из ситуации максимум пользы: побыстрее добраться до квартиры и завалиться спать.

– Отправляйся, мы прогуляемся, – милостиво ответила я.

Славка только вздохнул. Как джентльмен, он не мог допустить, чтобы в полночь девушки шлялись по улицам без мужского сопровождения. Он незаметно отстал, а мы со Светкой не спеша двигали в направлении моего дома. Я прочитала три своих стихотворения, Светка слушала затаив ды-

хание, полуприкрыв глаза, всем своим видом демонстрируя восторг. Впрочем, выглядела вполне искренне.

– Здорово, – пробормотала она, когда я закончила.

– Для студентки журфака вполне, – кивнула я.

– Нет, у тебя в самом деле талант.

– Способности, – поправила я. Это не было рисовкой. Конечно, некое кокетство присутствовало, но свои способности я оценивала довольно трезво.

– Если бы я могла писать такие стихи... – прошептала Светка.

– Да, и что?

Мой вопрос вызвал у нее легкую растерянность.

– Я была бы счастлива, – наконец ответила она упрямо. – У тебя есть талант, и ты относишься к нему как к чему-то само собой разумеющемуся. А для меня... Я обожаю поэзию.

– Это я заметила, – улыбнулась я.

– Нет, серьезно! Я люблю поэзию больше всего на свете, а пишу дрянные стихи. Я бы черту душу продала, чтобы иметь талант!

Я посмотрела на нее очень внимательно. Разумеется, она говорила ерунду, но тогда впервые я почувствовала некую опасность, исходящую от нее. Уж очень убежденно она произнесла последние слова.

– Это плохая идея, – все-таки сказала я.

– Продать душу дьяволу?

– Ага. Никогда не знаешь, что получишь взамен.

– Талант.

– А если он не принесет тебе счастья?

– Принесет.

– Ты будешь писать талантливые стихи, которые никому не нужны и которые никто не будет читать. И что тогда? Дьявол – великий путаник, я бы не стала на него полагаться.

– А я попрошу славы и признания, – лукаво улыбнулась она.

– Значит, у тебя другая проблема, – ответила я. – Для славы талант необязателен. То есть нужен талант другого рода.

– Нет, я в самом деле хочу писать хорошие стихи. Вот это мне, кстати, нравится. – Она задумчиво прочитала небольшое стихотворение, сентиментальное и бездарное, и забежала вперед, заглядывая мне в глаза: – Ну как?

Я пожала плечами:

– Вполне.

– Тебе понравилось?

– Нет. Но если хочешь, я могу соврать, мне не трудно.

– Не хочу. Я их сожгу.

– Глупости. Потом будешь жалеть.

– Гоголь...

– Держи себя в руках, ты не Гоголь.

Вряд ли ей это понравилось, но она лишь вздохнула. Еще меньше все это нравилось Славке, который понуро брел за нами, пока мы наконец не замерли возле моего дома.

– Как ты будешь добираться домой? – спросила я Светку

и тут же повернулась к Славке: – Проводишь ее?

– Мне же в другую сторону, – обиделся он.

– Деньги на такси есть? – задала я ей очередной вопрос.

– Не беспокойся, – отмахнулась она. Стало ясно, что о такси я спросила зря. А ведь уже половина второго ночи...

– Ладно, идем ко мне, – решила я, открывая дверь подъезда.

– И я? – спросил Славка.

– И ты, если мы еще не надоели тебе своей болтовней.

Через полчаса Славка уже спал на диване, а мы со Светкой продолжили разговор на кухне, засидевшись за чаем до четырех утра.

Утром опоздали на лекции. Наше появление втроем не осталось без внимания.

Однако примерно неделю новое знакомство никак на мою жизнь не влияло. Иногда мы сталкивались в коридорах университета, здоровались, Светка мне торопилась что-то сказать, но я всегда спешила и практически не бывала одна, так что не очень-то она преуспела. Правда, кое-что я смогла узнать о ней за это время: живет в общежитии, приехала из районного городка, из рабочей семьи, но зачем-то врала, что из Екатеринбурга, где отец большой начальник. Явную нестыковку с официальными документами объясняла тем, что родители в разводе. Вранье быстро раскусили, и теперь над ней посмеивались. О загранице она знала из цветных буклетов, что бесплатно раздают в турфирмах, а все ее тряп-

ки куплены на местной барахолке, да и этих тряпок было совсем немного. С какой стати я начала ее жалеть, не знаю. Вранье я не жаловала, и то, что она стесняется своей семьи, казалось мне глупым и неприятным, но, когда через неделю я обнаружила ее возле своего дома с томиком Рильке под мышкой, в цветастой юбке, мокасинах, блузке с рюшами и соломенной шляпке, которой место на помойке, я подумала: а ведь и Светкина шляпка, и дурацкие рюши, и ее взгляд с поволокой, и все это глупое притворство – истошный крик: «Посмотрите, я не такая, как все!» И прижатый к боку Рильке – чистое лицемерие, потому что томик был на немецком, а Светка не знала толком даже английского, который учила в университете. Все, все в ней было насквозь фальшивым, но это не вызвало отвращения, только жалость. И я сказала ей: – Заходи.

Потом ее появления стали частыми, затем ежедневными, пока я с изумлением не обнаружила, что она уже некоторое время живет у меня. Она окружила меня обожанием, которое тяготило. Она была непереносимо банальна и претенциозна, а я не могла по-настоящему разозлиться, потому что свято верила: «Мы в ответе за тех, кого приручили», и эта формула – руководство к действию на все времена. Я пыталась растолковывать Светке вещи, понять которые она была не в силах, потому что не имела привычки думать. Но мои труды не прошли даром – она сдала сессию вполне сносно. Потом вдруг подстриглась, как я. Я не возражала, тем более

что стрижка ей шла. Она носила мои тряпки – я никогда не жадничала. Она флиртовала с моими парнями – меня это не волновало. Даже, застав ее с телефонной трубкой в руках, когда она старательно имитировала мой голос в беседе с одной из знакомых, я не увидела в этом ничего особенного, списав на забавную шутку.

Впервые я рассердилась по-настоящему, застав ее роющей в моих письмах. Меня неприятно поразило выражение ее лица: жадное, какое-то ненасытное. Лицо упыря.

– Эй, – позвала я, – тебе никто не говорил, что приличные люди не читают чужих писем?

– Ланочка, – запричитала она, – ты уже пришла? А я картошечки сварила. Будешь обедать?

– Ты не ответила на вопрос, – напомнила я.

– Что?

– Еще раз сунешь свой нос куда не просят, по носу и получишь.

На лице ее отразился испуг пополам со страданием. Весь вечер она усердно изображала поруганную невинность, однако, против обыкновения, это не вызвало у меня приступов угрызений совести.

К тому времени я уже окончила университет и работала в одной из губернских газет, а также на телевидении. Поскольку то, что было между мной и Светкой, вряд ли можно назвать дружбой, то будет правильнее сказать так: после истории с письмами появилась первая трещина в наших отноше-

ниях. А вскоре произошла и первая ссора, затем они следовали одна за другой. Я ожидала, что Светка переберется в общежитие, но она замолкала, удалялась в комнату, которую считала своей, а через час появлялась, чтобы как ни в чем не бывало снова демонстрировать свою бесконечную любовь ко мне.

В конце концов это стало нелепым, и я прямо указала ей на дверь. Последовала жуткая истерика, а вслед за этим неудачная – или, правильнее сказать, показушная? – попытка самоубийства. Светка перерезала вену на руке, потом минут пятнадцать бегала от меня по квартире, не давая взглянуть на рану и сделать перевязку, а когда я, громко хлопнув дверью в досаде, удалилась на улицу, она сама вызвала «Скорую».

Разумеется, история получила огласку. Нас записали в лесбиянки. А к чему еще можно отнести такое идиотское поведение? Вместо того чтобы вычеркнуть Светку из своей жизни, я возила ее в больницу на перевязки и позволила еще полгода продолжаться этой глупости.

По большому счету, мне следовало сказать Светке спасибо, потому что именно она заставила меня взглянуть на свою жизнь критически, что называется, под другим углом зрения. Она являлась пародией на меня, иногда злой пародией, часто смешной, и в какой-то момент я увидела себя: претенциозную, взбалмошную, с резкими безапелляционными суждениями, мало что смыслящую в жизни, но много и со

вкусом о ней говорящую. Я с таким жаром рассуждала о том, как надо жить, а жила как все. Может, комфортнее, может, было во мне чуть больше самодовольства, чем в других, но все-таки – как все. В один прекрасный момент я все это увидела, ужаснулась и, как водится, впала в затяжную депрессию.

Я продолжала ходить на работу, но без удовольствия, я даже писала стихи, но скорее по привычке – в них все больше звучала разочарованность, затянувшаяся подростковая грусть о несбыточном, а жизнь вдруг начисто лишилась смысла. Чтобы его найти, я то лезла в горы с приятелями-альпинистами, то отправлялась в Индию – медитировать и искать озарения, благо деньги папы поездки в дальние страны позволяли. Смысл маячил на горизонте, но в руки не давался.

Положительным во всем этом было то, что Светка, как ни хотела, угнаться за мной не могла, хотя и пыталась. Надеюсь присутствовать в моей жизни постоянно и зримо, но все чаще оставалась за бортом. Она писала мне письма, то жалкие, то гневные, а я с удовлетворением сознавала, что дистанция между нами увеличивается.

Примерно тогда произошла встреча с человеком, которая резко изменила мою жизнь. Не знаю, прибавилось ли в ней смысла, но, возможно, навязчивая раньше мысль о нем просто перестала меня волновать. Я много разъезжала по стране, а возвращаясь домой, писала очерки – не для денег, про-

сто мне это нравилось, и все чаще забывала позвонить Светке, чтобы сообщить о своем очередном приезде или отъезде, убежденная, что и она интересуется мною скорее по привычке. Оттого ее внезапное появление в месте, где я в то время пребывала, за тысячу километров от родного города, вызвало у меня легкий шок. Шок относился к тому факту, что она смогла меня найти, так как свое местопребывание я не афишировала.

Поначалу я решила, что это случайность, которые иногда бывают в жизни, но Светка убила надежду в зародыше, сообщив, что приехала ко мне. Закатила очередную истерику, точно жена непутевому мужу, а я в ответ на это посоветовала ей катиться ко всем чертям. Она рыдала под дверью битых три часа, но в тот раз я проявила завидную твердость – открыла дверь только для того, чтобы вручить ей деньги на обратный билет. Она грозилась броситься под поезд, но домой отправилась.

Полгода мы не встречались, и я начала о ней забывать. В очередной раз вернувшись в родной город, я, проходя мимо городского Дворца культуры, увидела скромную афишу. «Презентация книги Светланы Старостиной «Тайники души», – значилось на ней. Против воли я притормозила, разглядывая афишу. Следовало бы сходить на презентацию, проявить интерес, так сказать, хотя ничего путного от Светки я не ждала. Должно быть, она нашла спонсоров, чтобы издать свои труды тиражом в пятьсот экземпляров, решила

я, уверенная, что ни один издатель не стал бы их печатать на свои кровные. Но мысль о том, что Светка вновь вторгнется в мою жизнь, пугала, и я туда не пошла.

Вечером, уже после презентации, мне позвонила наша общая преподавательница, дама экзальтированная и довольно язвительная. Звонок весьма удивил. Прежде всего потому, что ранее звонить мне ей в голову не приходило. Я вообще очень сомневалась, что ей даже известен мой номер телефона. Еще больше поразили ее голос, звеневший от счастья, и неумеренные похвалы в адрес поэтической книги Светланы Старостиной.

– Это что-то потрясающее! – несколько раз повторила она. – Я пошла лишь из вежливости, а получила истинное удовольствие! Представьте, я и не подозревала, что она так талантлива. Серенькая мышка... и вдруг такое! Жаль, что вас не было, ваша подруга всех очаровала!

Я ответила в том смысле, что весьма сожалею, но меня никто не пригласил, и о презентации я ничего не знала. Думаю, это было простительное отступление от истины. И еще я добавила, что подругами мы уже довольно давно не являемся.

Отзыв дамы о стихах Светки привел меня в смущение. Хоть она и со странностями, но в здравом смысле ей не откажешь, да и литературный вкус у нее, безусловно, был. Выходит, Светка за время нашей разлуки преуспела и обзавелась талантом. Хотя я и не представляла, каким образом такое могло произойти.

Размышляла я об этом недолго, порадовавшись только, что ей в жизни хоть что-то все-таки удалось. Но когда через неделю в газетном киоске я увидела тонюсенький сборник стихов с нашим общим со Светкой именем на обложке, купила его и, не дожидаясь возвращения домой, принялась листать, сев в машину. Разгадка оказалась весьма неожиданной: собственные Светкины стихи были щедро разбавлены моими. Надо признать, выбрала она самые лучшие. Я не поленилась и произвела нехитрый подсчет: на восемь ее собственных – сорок два стихотворения мои.

Минут десять я весело смеялась, глядя в окно, потом призадумалась. Собственно, авторство волновало меня мало, тогда я считала свое стихотворство пройденным этапом, и то, что Светка урвала немного чужих восторгов банальным воровством, не очень-то удивило меня и ничуть не разозлило. Поступок вполне в ее стиле. Однако следовало признать: она нашла-таки способ остаться в моей жизни. Собственные мои стихи теперь вызывали у меня едва ли не отвращение. Как нашкодивший любовник, который спит с твоей подругой, а потом дрожит при мысли, что ты об этом узнаешь. Как будто мои чувства публично осмеяли и изгадили.

Выяснять со Светкой отношения я не стала, подозревая, что именно этого она и добивалась. Я зашвырнула книжку в бардачок и думать о ней забыла, но через месяц в газете появился рассказ, подписанный «С. Старостина». Рассказ был мой, но в редакцию его передала Светка, выдав за собствен-

ный. Стало ясно: в моем столе и компьютере она рылась не зря, меня еще ожидают сюрпризы. И они не замедлили последовать. Все восемь моих рассказов были напечатаны в течение трех месяцев. Светка приобрела литературную популярность в родном городе, ее даже пригласили вести семинар в университете.

У кого-то даже родилась идея выпустить книгу. Надеюсь, все-таки не у самой Светки, потому что из-за этого она оказалась в ловушке: на полноценную книжку восьми небольших рассказов было явно маловато, и ей предложили написать еще. Книжка все-таки вышла. Я хохотала во все горло, читая ее. Мои собственные идеи и замыслы, переданные корявым Светкиным языком, это было нечто. Но надо отдать должное – память у нее прекрасная.

Книжку заметили, в одной из газет появилась рецензия, где ее творчество определили как весьма неровное, в котором взлеты чередуются с падениями, «идея хороша, но автор не смог справиться с поставленной целью», и прочее в том же духе. Я ждала, что же последует за всем этим. И вот...

Темной ноябрьской ночью, которую я коротала в одиночестве, в очередной раз приехав в родной город, кто-то позвонил в дверь, и я пошла открывать, ничего особо подлого от судьбы не ожидая. На пороге стояла Светка. Мокрые пряди волос падали на ее лицо, она дрожала, точно брошенный котенок под дождем, и прошептала посиневшими губами:

– Пусти меня, пожалуйста.

Открывать дверь было глупостью, а впускать ее в дом и того хуже, но я вдруг подумала, что она, должно быть, часа три торчала под моими окнами, замерзла и вполне могла свалиться с воспалением легких. Так как я человек, не лишенный чувства сострадания, я позволила ей войти. Здравый смысл отступил.

– Вот, значит, так ты теперь живешь? – спросила Светка, устраиваясь в кресле. – А я часто хожу к нашему дому. Ты не сердись, что я говорю «наш дом»? – с видом испуганного подростка спросила она.

– Говори на здоровье, – кивнула я.

– А чаю можно? – Глаза ее широко распахнулись, и я поняла, что мне предстоит увидеть все ее обычные фокусы.

– Лучше выпей коньяка.

Я налила ей рюмку, и она ее выпила, с благодарностью одарив меня улыбкой.

– Ты меня ненавидишь, – отдышавшись, произнесла Светка.

– С какой стати?

– Я знаю. Ненавидишь. – В ее голосе зазвучали нотки давно осточертевшей мне истеричности. Самое время вызвать ей такси... Я потянулась к телефону, но она схватила меня за руку, торопливо продолжив: – За те книжки. Да? Ты считаешь, я украла твои стихи?

– А ты сама как считаешь? – проявила я интерес.

– Это мои стихи! – вдруг убежденно сказала она. И вза-

хлеб продолжила: — Я не умею объяснить, я бездарна... Но я чувствовала, что это мои стихи... Понимаешь? Ты сказала то, о чем тосковала моя душа...

— В следующий сборник включи Блока. Насколько я помню, по нему ты тосковала еще больше.

— Ты не понимаешь, — пробормотала она с горечью. — Почему ты выгнала меня из своей жизни? Разве ты не видишь, что ты и я, мы одно целое?

— Я вижу, что ты за это время так и не пришла в сознание.

— Зачем ты так? Так жестоко... так больно. Ты же знаешь, я никогда не хотела стать твоей любовницей... Ведь знаешь?

— Знаю, ты хотела большего: стать мною. Совершенная нелепица. Почему бы тебе для разнообразия не побыть самой собой?

— Меня нет, — заявила она с трагизмом. Актриса из нее тоже никудышная, и я непроизвольно поморщилась. — Ты жестока, ты так жестока... ты не хочешь понять... Без тебя я жива только наполовину, я дышу только наполовину...

— Я вызову такси, — попыталась я вернуть ее к реальности.

— Ты в самом деле думаешь, что это случайность? — ужаснулась она. — В самом деле думаешь, что просто так и ты, и я получили одно и то же имя, что мы обе родились пятнадцатого октября, почти в одно и то же время?

— Притянута за уши. У нас три года разницы в возрасте. Ты, должно быть, забыла?

Светка действительно родилась пятнадцатого октября,

как и я. И, по ее утверждению, также в восемь утра. А год рождения в паспорте она исправила, еще учась в университете. При смене паспортов это каким-то образом осталось без внимания, и благодаря новому паспорту она повзрослела ровно на три года. Если б помолодела, тогда еще было бы понятно, а тут сразу становилось ясно, что имеешь дело с сумасшедшей.

– Я уверена, я уверена: мы родились в один час! Это не было случайностью! И то, что мы оказались в одном университете, на одном факультете, – промысел божий. Мы должны были встретиться!

– Скорее бесовская шутка, – усмехнулась я. – Загляни в Интернет, там есть рубрика «Найди однофамильца», Светлана в списках будет множество, и непременно кто-нибудь да родился пятнадцатого октября. В году всего триста шестьдесят пять дней, а в стране у нас сто сорок миллионов.

– Значит, по-твоему, это ничего не значит?

– Почему же? Это значит, что мы тезки и родились пятнадцатого октября.

– Иногда я тебя не понимаю. Я в самом деле тебе не нужна?

– Уверена, что ты прекрасно справляешься без меня, когда не загружаешь свои мозги всякими бреднями. Очень прошу, прекрати валять дурака и начни наконец жить собственной жизнью. Вот увидишь, тебе понравится.

– Ты не стала обвинять меня в воровстве, значит, ты тоже

считала, что я имею право...

– Мне это просто безразлично. Мне безразлично все, что ты делаешь. Отправляйся домой и не вздумай приходить или звонить мне...

Следующая наша встреча по-настоящему меня напугала. На журналистской тусовке по случаю новогодних праздников я вдруг увидела, что навстречу мне идет... женщина с моим лицом. Мне даже спрашивать было незачем, кто это.

– Ты спятила, – сказала я, когда она поравнялась со мной. Приходилось признать: врач, который делал ей операцию, потрудился на славу, сходство действительно было поразительным. – Ну и как тебе с моей рожей? – продолжила я, не дождавшись ответа. – Не жмет?

Вот тогда я поняла, что все зашло слишком далеко и становится по-настоящему опасным. И я приняла решение навсегда покинуть родной город и перебралась в Петербург. Развод с мужем это решение лишь укрепил, от него я тоже хотела держаться подальше, хотя и оставила себе его фамилию. Разумеется, моему желанию быть Алексеевой очень способствовал тот факт, что где-то по соседству бродит человек, у которого не только мои имя и фамилия, но и мое лицо.

Переехав в Санкт-Петербург, я в общем-то ожидала, что и там может появиться Светка, раз уж она и до сих пор проявляла такое завидное упорство в преследовании. Однако многомиллионный город – не губернский центр с населением в

пятьсот тысяч человек, так что я надеялась, что все равно счастливо избавилась от нее.

В то время я работала в одной крупной газете. Каково же было мое изумление, когда в один из понедельников, шествуя по коридору редакции, я столкнулась со Светкой. К нам ей устроиться все-таки не удалось, но теперь она трудилась в редакции другой газеты, расположенной в том же здании, и мы регулярно сталкивались в лифте. Наше необыкновенное сходство бросалось в глаза, но Светкина хитрость к тому моменту осталась в далеком прошлом – должно быть, сказала ее неумная любовь к гамбургерам. Однако она была последовательна в своих действиях, и вскоре я имела возможность наблюдать ее необыкновенное преобразование. Светка заметно похудела, и теперь нас действительно могли перепутать.

– Отлично выглядишь, – сказала я, когда мы в очередной раз столкнулись в лифте. – Еще одна операция?

– Ксеникал, – ответила она спокойно. В голосе ни язвительности, ни даже удовлетворения, лишь убежденность в своей правоте.

– Это что такое? – усмехнулась я.

– Швейцарский препарат, врач порекомендовал, – она достала из сумки коробочку с голубыми капсулами и показала мне.

– Отличное средство, – похлопав ее по плечу, сказала я. – Продолжай совершенствоваться.

Теперь мы вызывали недоумение и последующие бурные дискуссии у сослуживцев. Мне даже пришлось сменить кафе, где я обычно обедала, чтобы ненароком не оказаться со Светкой за одним столиком.

Поднимаясь как-то в лифте (народу набилось, точно селенок в бочке), я обратила внимание на довольное выражение физиономии Светки, которая снова оказалась там вместе со мной. Пожалуй, даже слово «довольное» не подойдет – на самом деле она просто светилась от счастья и наградила меня улыбкой победителя.

Надо сказать, что в то время я впервые по-настоящему влюбилась. Конечно, я влюблялась и раньше. По крайней мере, была убеждена в этом. Однако, только встретившись с Валеркой, я поняла, как заблуждалась. Не скажешь, что в парне было что-то особенное, во всяком случае на первый взгляд, но башню мне снесло начисто, и я всерьез решила еще раз кардинально изменить свою жизнь, чтобы идти по жизни с ним рядом.

Правда, впоследствии оказалось, что наши взгляды на сей предмет были диаметрально противоположны, но тогда, в лифте, я была уверена, что счастье мне обеспечено как минимум на ближайшие двадцать-тридцать лет, и победный Светкин взгляд вызвал у меня маету в душе и слабость во всех членах. Оттого я предприняла кое-какие шаги, чтобы обнаружить причину ее бурной радости: немножко понаблюдала за ней, но не обнаружила ничего подозрительного. То-

гда я решила заглянуть в ее офис. На ее столе стояла фотография в рамочке: я и Валерка. То, что на фотографии была я, а не Светка, сомнений не вызывало – абсолютным наше сходство все же не было, а я способна отличить саму себя от этой чокнутой, но сам факт впечатлял и настораживал. Оказывается, она бродила за мной по пятам и даже смогла сделать фотографию так, что я этого не заметила.

Я вертела фотографию, размышляя, что делать. Можно фотографию забрать, но Светку это лишь порадует. Ей станет ясно, что я проявляю беспокойство. К тому же неизвестно, сколько у нее подобных фотографий. В любом случае напечатать такую же ей никакого труда не составит, и выходит, лишится она лишь рамки.

Я поставила фотографию на место и покинула офис. Вечером, встретившись с Валеркой, всерьез подумывала предупредить его, но это показалось мне глупостью: даже если Светка попытается свести с ним знакомство, обмануть его она не сможет. Он разумный парень, к тому же, как я успела заметить, наблюдательный. Следовательно, выдать себя за меня у нее не получится, а соперниц я не боялась.

О фотографии я ему тоже ничего не сказала, не желая долгих объяснений по поводу Светки. К тому моменту я уже решила, что терпению моему пришел конец и мне придется предпринять некоторые шаги. Я обратилась к людям, которые умеют убеждать, и через несколько дней Светка покинула редакцию, но еще упрямылась, не желая уезжать из Петер-

бурга. Устроилась в другую газету – я видела материалы за ее подписью, как всегда, совершенно бездарные. И с новой работы Светке пришлось уйти, ее преследовала чередой неудач, которые она, скорее всего, и воспринимала как неудачи, а не как чью-то злую волю. Вряд ли ей пришло в голову, что они каким-то образом связаны со мной, раз долгих пять лет я проявляла завидное терпение. В конце концов Светка уехала и, как мне казалось, исчезла из моей жизни навсегда.

Не сговариваясь, мы разделили территорию: она обрелась в моем родном городе, а я поклялась, что никогда туда не вернусь. Тем более что к тому моменту мой отец умер от инфаркта, а мама после долгих колебаний перебралась в Германию к своей младшей сестре. На этом я и поставила точку в нашей истории.

Как оказалось, напрасно. Светка погибла, и я, не чувствуя ни особого горя, ни тем более удовлетворения, не могла просто так отмахнуться от данного факта.

Сделав очередной круг по парку, я устроилась на скамейке, подставив лицо солнцу. Мысли вдруг покинули меня, было хорошо просто сидеть, безвольно опустив плечи, греться на солнышке и ни о чем не думать.

Совершенно неожиданно я представила Валерку. Настолько ярко, что почувствовала его запах и даже прикосновение. То, что мысль о нем пришла мне сейчас в голову, неудивительно, раз уж я сегодня вспоминала свою историю. Странно то, что я позволила этой мысли настолько завладеть

мной.

Обычно мысли и воспоминания о Валерке я поспешно гнала прочь, пока они не успели причинить боль. Мы прожили вдвоем две недели, потом я уехала на пару дней, а вернувшись, не обнаружила ни его, ни его вещей, ни записки, которая бы это исчезновение как-то объясняла. Вряд ли он принял решение оставить меня за те два дня, что я отсутствовала, следовательно, с самого начала знал, что любовь наша ненадолго, не то непременно посвятил бы меня в свои планы.

Я хотела убить себя, потом хотела найти его... Я много чего хотела, но не сделала ничего. Есть события, которые надо просто пережить. По возможности – без бурной деятельности, чтобы не тянулся длинный шлейф последствий и поступков, которых ты всю оставшуюся жизнь будешь стыдиться, пытаясь забыть. А так: было и нет. И не было. Вообще никогда.

Наверное, проявив настойчивость и обратившись к нужным людям, я бы узнала, где он, и разобралась бы в причине такого жестокого поступка по отношению ко мне. Но дело это являлось для меня настолько личным, что даже просто говорить о Валерке с кем-то я не могла. За что теперь благодарю судьбу и свой здравый смысл.

Я поднялась со скамейки, снова напомнила себе про зонт и побрела домой. Мысли в голове текли неторопливо, в такт

шагам, я шурилась на солнце и даже улыбалась. Вечером, ложась спать, я была убеждена, что увижу во сне Светку. Раз уж она и раньше вторгалась в мою жизнь с завидным упорством, сегодня самое время. С тем и уснула.

Не помню, что мне снилось, но точно не она, однако в половине пятого утра я проснулась с ощущением тревоги и беспокойства. Стало ясно: больше не усну. Я прошлась по комнате, чувствуя, что тревога все нарастает. Выпила на кухне чаю. Ощущение было не из приятных – будто кто-то стоит за спиной.

– Эй, если это ты, дай знать... – позвала я. И тут же пожалела о своей шутке: свет внезапно погас и сразу вспыхнул вновь. – Здорово, – похвалила я и вздохнула.

Есть вещи, над которыми лучше не ломать голову, их надо просто записать в случайности. Поэтому голову ломать я не стала, кивнула, еще раз вздохнула и направилась к компьютеру. Светкин сайт нашла без труда. Сайт без фантазии, зато с претензией, как все, что она делала. Удивление вызвало лишь одно обстоятельство: она зачем-то поместила здесь ту самую фотографию, где я с Валеркой. Подпись под ней: «Я с другом». Неужели рядом с ней не было ни одного мужчины, который заслужил этой подписи? Или и это она сделала, чтобы досадить мне?

Против желания я уставилась на фотографию, пытаюсь представить, что было бы со мной, не сбеги тогда от меня Валерка? Я была бы счастлива? Была, не была... Ага, вот и

сообщение о гибели Светки. Ничего конкретного – «трагически погибла... ведется следствие». Ясно, что здесь мне не найти интересующие меня сведения. Я решила просмотреть губернские газеты за тот период. Ого, смерть Светки вызвала шквал публикаций! Я читала их одну за другой, но в них было больше эмоций, чем фактов. Поначалу все сходились во мнении, что убийство носит некую политическую окраску: за два месяца до гибели Светка в цикле статей обвинила вице-губернатора в хищении и взятках.

Я нашла эти статьи, прочитала. Хм, вице-губернатор должен быть таким же идиотом, как и она, если Светкина стряпня сподвигла его на столь решительные действия. Впрочем, кто сказал, что вице-губернатор не может быть идиотом?

Я вернулась к публикациям после ее смерти. Постепенно тон их начал меняться. Через месяц после гибели вышла статья, подписанная некой Л. Кудрявцевой. Такой журналистки в родном городе я не помню, следовательно, кто-то из новеньких. Кудрявцева первой предложила версию, что это убийство может быть ритуальным. «Кое-какие моменты позволяют предположить...» Что еще за «кое-какие»? Так, что дальше? Последнее время Светка интересовалась оккультизмом, встречалась с профессором Сергеевым и, по его мнению, готовила цикл статей, возможно даже, проводила журналистское расследование. «Сохранилось множество записей, жаль, что составить по ним представление, о чем С. Старостина собиралась писать, невозможно». Ничего удиви-

тельного, в Светкиной голове царил такая сумятица, что она сама толком ничего не знала.

Третья версия убийства напрашивалась с самого начала: это дело рук маньяка. Вспоротый живот, жертва умирала мучительно, и муки ее продолжались не менее двух часов. Человеку в здравом уме, даже киллеру, такое вряд ли придется по вкусу. Киллер делает выстрел, максимум два, и уходит с чувством выполненного долга, как он это себе представляет. Конечно, встречаются киллеры-психи. И все-таки заказное убийство казалось мне наименее вероятным. Значит, либо маньяк, либо ритуальное убийство. Ранее маньяками родной город похвастать не мог, да и сатанисты не досаждали. Я о них, к примеру, вовсе не слышала. Профессора Сергеева я помнила. Как-то даже брала у него интервью. Чего от него хотела Светка?

– Допустим, я поеду туда и попробую разобраться, – произнесла я вслух. Точно легкий ветерок прошел по комнате, а я усмехнулась. – Я сказала: допустим. – И вновь задумалась.

Я не уважала Светку, вряд ли когда-нибудь любила, иногда терпеть не могла, чаще презирала. Но мне не нравится, что он с ней сделал... Я вижу ее на цементном полу на какой-то стройке, с окровавленными руками, с внутренностями, выпавшими из вспоротого живота, с мукой в глазах... Долгая смерть на целых два часа. Слишком большая плата за бездарность, глупость и нелюбовь к себе. Слишком большая.

– О'кей, – громко сказала я. – Я его найду.

В квартире вдруг стало очень тихо. Вроде бы даже холодильник перестал работать, хоть ему и положено. Может, Светка была права и нас связывало нечто большее, чем одинаковые имена и дата рождения?

Я потеряла лицо ладонями, а потом решила, что надо все-таки немного поспать. Сновидения меня не посещали. Проснулась я ровно в восемь, как и задумала. Позвонила нескольким людям, чтобы предупредить, что уезжаю по личному делу. Потом сходила за машиной на стоянку возле Синопской набережной. Пока шла, предавалась размышлениям на тему: может, я дурака валяю и ехать не стоит? Однако уже знала: ехать придется.

В общем, утренняя прогулка не избавила меня от вчерашних намерений. Взяв машину, я вернулась домой, минут за пятнадцать собрала вещи, выпила чашку кофе, взглянула на свою квартиру, стоя с сумкой в руке, буркнула «пока» и вышла во двор.

Бог знает откуда взявшийся кот устроился на капоте моей машины, позволил почесать себя за ухом, после чего неохотно спрыгнул. Я вроде бы ожидала, что произойдет нечто такое, что позволит мне остаться. Например, кто-то вдруг позвонит и скажет, что убийца найден. Интересно, кто бы мог позвонить? Стало ясно, время я тяну без особого толка.

Я завела машину и выехала со двора. До моего родного города примерно тысяча километров. Я намеревалась преодолеть их часов за четырнадцать, но не учла состояние на-

ших дорог в это время года. То есть они во все времена особо не радовали, а ранней весной и вовсе вгоняли в тоску и отчаяние.

К десяти вечера я здорово вымоталась, моему организму требовался отдых. Я подумывала заночевать в какой-нибудь гостинице, но через полчаса примкнула к длинной веренице машин возле поста ГАИ, откинула кресло и часа два проспала, прикрывшись курткой. Несмотря на спартанские условия, проснулась я, чувствуя себя отдохнувшей, и продолжила путь. Рассвет встретила в дороге, а вскоре после этого миновала мост, и передо мной открылась панорама родного города. Я остановилась у обочины, прошлась, разминая ноги, а потом некоторое время любовалась золотыми куполами церквей в легкой дымке и беспричинно улыбалась. Иногда о себе узнаешь занятные вещи: оказывается, я здорово скучала по родному городу.

В гостиницах в нашем городе никогда недостатка не было, я надеялась, что с жильем у меня проблем не возникнет. На крайний случай оставались многочисленные знакомые и даже родня. Правда, их беспокоить я все-таки не планировала.

В первой же гостинице, куда я заглянула, нашелся подходящий номер. Администратор спросила, надолго ли я и как погода в Питере. Я ответила «на пару дней», а погоду похвалила.

Номер оказался самым обычным, не хуже и не лучше тех, в которых мне приходилось останавливаться в своих много-

численных поездках. Кровать, шкаф, письменный стол, два кресла, вполне удобных, и телевизор. Развесив в шкафу свои вещи, я отправилась в ванную, приняла душ, а потом отсыпалась до полудня. Ресторан при гостинице к этому времени открылся, я пообедала, вернулась в номер. Требовалось восстановить старые связи, на что ушел еще час. Кое-кто сменил место работы, один мой знакомый даже эмигрировал в Израиль, но в целом за эти годы в родном городе мало что изменилось.

В три я была в редакции газеты, где работала когда-то. Встретили меня сердечно, моим вопросам о гибели Светки не удивились. Оно, в общем, и понятно, раз мы долгое время считались подругами и чуть ли не любовницами. К сожалению, более чем часовой разговор мало что дал. Бывшие коллеги рассказали то, что я уже и так знала из публикаций. Когда мы на некоторое время остались наедине с редактором, он неожиданно произнес:

– Дело темное.

Поначалу я не придавала значения этим словам Василия Николаевича, но он вздохнул и добавил:

– Светка ведь... как бы это выразиться... отличалась некоторой странностью. Неизвестно во что могла вляпаться.

– Вы имеете в виду историю с вице-губернатором? – спросила я.

– Да брось ты! Это же смешно. Какой там вице-губернатор! Он на прокуратуру-то поплевывает, а тут Светка с ее

статейками... Никудышные статейки, кстати. А вот стихи писала хорошие. Я, признаться, удивился. Как это уживалось в одном человеке?

– Значит, в заказное убийство вы не верите? – поинтересовалась я.

Василий Николаевич поморщился.

– Это наши придумали от избытка энтузиазма. Погибла журналистка, да еще статьи готовила на злобу дня... Ну, вроде все логично. Но киллеры животы не вспарывают. И статьи вряд ли повредили нашему вице-губернатору. А тут такой галдеж поднялся...

– Допустим. Тогда кто? Маньяк?

Он пожал плечами. Чувствовалось, что в идею о маньяке он не особенно верит, так же как и в то, что убийство заказное.

– Вы ведь дружили? – приглядываясь ко мне, спросил редактор.

– Некоторое время.

– Тебя само убийство заинтересовало или... чувствуешь себя чем-то обязанной?

– Наверное. Раз уж дружба имела место. Вы что-то хотите мне рассказать, Василий Николаевич?

– Скорее поделиться наблюдениями. Когда беседовал со следователем, особо о своих впечатлениях не распространялся. Скажи я ему, что Старостина умом тронулась, чего бы он подумал? Зачем сумасшедшую в штате держал? Или

есть у меня причина на покойницу наговаривать?

– А какие признаки сумасшествия вы в ней заметили?

Василий Николаевич недовольно нахмурился, вздохнул, посверлил меня взглядом, но все же ответил:

– А как еще можно назвать женщину, которая делает пластическую операцию, чтобы быть похожей на свою подругу?

– Только и всего? – спросила я. У меня вдруг возникло чувство, что редактору внезапно захотелось прервать разговор. Он даже покосился на дверь, точно ожидая, что кто-то войдет и поможет ему в этом.

Он кашлянул и перегнулся ко мне:

– Ладно. И ты, и я прекрасно знаем, что в ее голове было полно тараканов. Если честно, я держал ее здесь по доброте душевной, потому что не представлял, куда она пойдет. Ты в курсе, что она успела поработать во всех изданиях? И нигде не задержалась больше нескольких месяцев.

– В чем причина?

– А то ты не знаешь! Прежде всего журналист она никудышный, но это полбеды, таких пруд пруди. С ее характером она не уживалась ни в одном коллективе. Жалобы писала, скандалы устраивала и прочее в том же духе. Но в последнее время заметно поутихла. Я, честно сказать, порадовался. А за месяц до гибели она вдруг зашла ко мне и говорит: «Василий Николаевич, меня могут убить». Я, конечно, не очень поверил, но расспросил: за что да откуда у нее такие мысли? Отвечала невразумительно, мол, пытается разобраться в

одном деле, которое может стать бомбой. За свою газетную жизнь я это сотни раз слышал, а так как о самом деле она ничего конкретного не сказала, не очень-то впечатлился. А она дает мне запечатанный конверт и говорит: «Положите у себя в сейфе, и если со мной...» – ну и прочее в том же духе.

– Конверт вы отдали следователю?

Василий Николаевич вновь поморщился.

– Следователю я о нем ничего не сказал. И тебе говорю только потому... В конце концов, ты ее знала лучше других и, возможно, сумеешь понять, что за чертовщина... Короче, конверт я вскрыл, как только она из кабинета вышла.

– Не утерпели?

– Испугался. Вдруг, думаю, в самом деле что-то такое...

– Ну и?

– Ну и лишний раз смог убедиться, что у нее не все дома.

– Так что было в конверте? – не выдержала я.

– Ничего. Чистый лист бумаги. Оттого и следователю про тот разговор и про конверт не сказал. Что он мог подумать? Либо я доказательства заныкал, либо она и вправду сумасшедшая.

– Занятно, – откинувшись на спинку стула, произнесла я. – А вы сами что думаете?

– Что я думаю? Я думаю, она заигралась. Всю свою жизнь она жила придуманными ею историями. И это было очередной историей о журналистке, ведущей опасное расследование.

– А кто-то в эту историю поверил? То есть она ненароком зацепила что-то серьезное?

– Возможно, – вздохнул Василий Николаевич. – Хотя я в это особо и не верю. Я бы решил, что ее смерть случайность, и эта невероятная жестокость...

– То есть мы возвращаемся к версии, что она стала жертвой маньяка.

– Пусть в милиции голову ломают, – вновь вздохнув, отмахнулся Василий Николаевич. – Говорят, была еще какая-то папка с документами. Но об этом я ничего толком не знаю. Очень может быть, что документы там такие же, как и в конверте, который она мне оставила.

– Кстати, а вы с ней про тот чистый лист не разговаривали?

– Нет. Неловко было признаться, что конверт вскрыл.

Разговор с редактором очень меня заинтересовал. Не история с конвертом – она как раз в духе Светки: выдавать свои фантазии за действительность, – а мысль, которую он высказал. Светка так заигралась... что кто-то поверил? В этом что-то есть... Вспомнился старый анекдот о том, как одному человеку приказали следить за домохозяйкой, которую якобы подозревают в шпионаже. И человек, побродив за ней по городу, обнаружил в ее поведении массу подозрительного и почти убедился, что она шпионка. А ведь могло быть наоборот: считаешь кого-то обычным человеком, затеваешь дурацкую

игру, а он оказывается шпионом. Что ж, версия не хуже другой. Остается выяснить, на кого были направлены Светкины фантазии.

Я сделала еще один телефонный звонок, на этот раз Лилии Кудрявцевой, чью статью читала в Интернете. Мне ответил звонкий голосок, который мог бы принадлежать девочке-подростку. Я представилась и объяснила, по какой причине хотела бы встретиться.

– Вы где остановились? – спросила она.

– В гостинице «Заря».

– Отлично. Там рядом есть кафешка, называется «Домино». Через полчаса устроит?

Через полчаса я сидела в «Домино», пила кофе и поглядывала на входную дверь. Кафе было крохотным, на четыре столика, кроме меня, здесь было еще двое посетителей – парень и девушка, целиком поглощенные друг другом. Лилия Кудрявцева опаздывала. Наконец звякнул дверной колокольчик, и в кафе вошла девушка в джинсах и куртке с капюшоном. Маленького роста, пухленькая, с румянцем во всю щеку. Откинув капюшон, уверенно направилась ко мне. Копна рыжих волос разметалась по ее плечам.

– Привет, – сказала она, бросила сумку на соседний стул и устроилась напротив. – Я – Лилия, а вы Лана?

– Точно. Хотите кофе?

– Ага, с бутербродом. Пытаюсь худеть, но при моем образе жизни это бессмысленно.

Девушка мне сразу понравилась. На вид ей было лет двадцать, глаза смотрели весело. Она улыбалась широко и задорно, но вдруг нахмурилась.

– Вы что, специально приехали из-за этого дела? – спросила Лиля, понижая голос. – Я слышала, журналистикой вы больше не занимаетесь. – Я пожала плечами, а она продолжила: – Не удивляйтесь, я много чего о вас знаю. Моя сестра училась с вами на одном курсе. Вера Калашникова.

– А вы похожи, – кивнула я.

– Ага. Многие думают, что мы родные сестры, хотя мы двоюродные.

Она сделала заказ, потом торопливо съела бутерброд, запивая его кофе, и успела рассказать, как дела у сестры.

– Значит, вас интересует это убийство? А что, если нам перейти на «ты»?

– Не возражаю.

– Отлично. Поначалу это убийство мне покоя не давало. Тут вообще дым стоял коромыслом. Раньше у нас журналистов не убивали, слава богу. И вдруг такое... Еще и после статей о вице-губернаторе. Ты, должно быть, знаешь?

– Читала.

– Вот-вот. Потом страсти поутихли, потому что... дело в самой Старостиной. Многие считают ее чокнутой.

– Правда это или нет, но ее убили.

– Да-да. Я понимаю, о чем ты. Я потратила кучу времени, пытаясь разобраться, и все впустую. Только-только ухва-

тишь ниточку, а потом оказывается, что она никуда не ведет.

– Очень интересно. Нельзя ли об этом поподробнее?

– О чем?

– О ниточках, – усмехнулась я.

Лилия улыбнулась в ответ.

– Я, как заправский детектив, пыталась восстановить события последних дней ее жизни.

– И что, удалось?

– Последние три дня она просидела дома, хотя в редакции сказала, что уезжает к своему другу, вроде бы даже собирается замуж.

– Могла передумать.

– Ага. Проблема в том, что никакого друга не было. Его следов не смогла отыскать не только я, но и милиция. Она его попросту выдумала. Врушка она была, кстати, фантастическая. Без конца придумывала себе любовные истории, рассказывала их, но никто никогда не видел ее с мужчинами. У нее на рабочем столе стояла фотография, где она с возлюбленным в обнимку. Она ее врасос целовала, а весь отдел потешался, потому что одна из сотрудниц узнала на фотографии тебя. Так что неизвестно, кому адресовались поцелуи. Болтали же, что у вас любовь. А после возвращения из Питера, ввиду вашей предполагаемой ссоры, она совсем с катушек съехала.

– Не за вранье же ее убили? – снова усмехнулась я.

– Конечно, нет, – вздохнула Лилия. – Кстати, она утвержда-

ла, что фотографию кто-то украл, и устроила жуткую истерику. Это было за пару недель до ее смерти.

– Кто взял фотографию? – насторожилась я.

– Понятия не имею. В общем, девчонки были убеждены, что она все это нарочно придумала, чтобы привнести драматизма в свою серую жизнь. Хотя, может, кто-то и свистнул из вредности, а потом постеснялся признаться.

– Сослуживцы ее не жаловали?

Лилия развела руками и закатила глаза. Понять ее жест можно было в том смысле, что «не жаловали» – еще мягко сказано, и причин для такой нелюбви более чем достаточно.

– В это трудно поверить, когда читаешь статьи, вышедшие после гибели Светланы.

– Ну, ты же понимаешь. Дух солидарности и все такое... В конце концов, мы должны поддерживать друг друга, иначе нас начнут отстреливать пачками.

– Ты серьезно в это веришь? – удивилась я.

– А ты нет? – нахмурилась девушка.

– Стрелять начнут, если вдруг проснется охотничий азарт, а так мало кого всерьез занимает, что мы там пишем.

– И поэтому ты оставила журналистику? – спросила Лилия.

– И поэтому тоже, – кивнула я. – Давай вернемся к Светлане. Значит, три дня она по какой-то причине просидела дома. Этому есть подтверждение?

– Да. Соседка оставляла ей ключи от своей квартиры.

Ждала слесаря.

– Она как-то объяснила соседке свое временное затворничество?

– Сказала, что пишет статью, а дома работать удобнее.

– Но в редакции об этой статье ничего не знали?

– Нет. И в квартире никакой статьи не было. Я знаю, о чем ты подумала, – продолжила Лилия. – Такая мысль тоже приходила мне в голову. Но, боюсь, никакой статьи вовсе не было. Очередная выдумка. Кстати, ты знаешь о папке? Мать Светланы сообщила следователю о папке с документами, причем очень важными. Якобы дочь проводила журналистское расследование.

– Папку нашли?

– Да. В тайнике, в ее квартире. Тайник был очень неплохой. В смысле, в оригинальности Светлане не откажешь. Следствие возлагало большие надежды на эту папку.

– Ты знаешь, что в ней? – спросила я.

– Ага, – кивнула Лилия и усмехнулась. – Вообще-то болтать об этом не полагается... Знакомый шепнул мне, а я, так и быть, тебе. В папке была энциклопедия по черной магии, скачанная из Интернета.

– Интересно, – кивнула я.

– Очень. Разумеется, я, как и ты сейчас, в первый момент подумала, что кто-то документы подменил.

– А сейчас ты так не думаешь?

Лиля ответила не сразу. Глядя куда-то в пол, молча-

ла несколько минут, точно пыталась сформулировать свою мысль. Может быть, так и было, а может, ей не хотелось огорчать меня, ведь она считала, что Светка была моей подругой, а возможно, даже любовницей.

– Несколько недель я только и делала, что копалась в ее жизни, пытаясь понять ее мысли и прочее. После всего, что я о ней узнала, я почти уверена: никто никаких документов не подменял. Там вполне могла быть эта дурацкая энциклопедия, которую она выдавала за особо ценные бумаги.

– Допустим, – не стала я спорить. Если честно, и я была уверена в том же. – А что ты думаешь об убийце?

– Какой-то псих, которому она подвернулась случайно.

– Я читала твои статьи. Ты высказала мысль, что могло произойти ритуальное убийство.

– Это из-за креста на шее, – вздохнула она. – Убийца рассек ей шею. Похоже на крест. Но парни из милиции сказали, что он распахал ей шею, чтобы быть уверенным... ну, вроде контрольного выстрела.

– Что-нибудь похожее было в городе, области?

– Нет. Может, это первое его убийство, как знать? Хотя... – Лиля опять замолчала, как мне показалось, пожалев, что начала было новую мысль. Но все же высказала ее после паузы: – Насколько мне известно, в милиции убеждены, что это сведение счетов.

– То есть заказное убийство?

– Сведение личных счетов, – пояснила девушка, подчерк-

нуж слово «личных».

– По их мнению, Светлана так кого-то допекла, что он взял да и вспорол ей живот?

– Иногда и такое случается, – усмехнулась Лилия. – К примеру, мамаша родному сыну голову топором оттяпала. Достал, алкаш.

– Надеюсь, мамаша не потратила на это два часа?

– Да, смерть у Светланы была... В общем, я по-прежнему на нулевой отметке. Понятия не имею, что произошло в действительности. Будем надеяться, ментам повезет больше. – Моя собеседница опять немного помолчала, но все-таки задала свой вопрос: – Ты хочешь написать о ней или...

– Я хочу найти убийцу, – ответила я, не дожидаясь, когда она закончит фразу.

– Что значит «найти»? На то есть милиция. Как ты вообще себе это представляешь? К тому же...

– Если я скажу, что она меня сама об этом попросила, ты согласишься? – перебила я.

Лилия посмотрела мне в глаза и кивнула:

– Вполне.

Ближе к вечеру я отправилась в райцентр, где родилась Светка и где до сих пор жила ее мать. Все, что я узнала пока о женщине, которую многие называли моей подругой, ничуть не удивило, но вместе с тем не давало ни малейшей зацепки для того, чтобы понять: кто и по какой причине желал ей

смерти. Самая приемлемая версия – случайный псих. Сведение личных счетов я тоже не отбрасывала, прекрасно зная, на что способна Светка. У меня лично не раз возникали в отношении ее кровожадные мысли. Правда, далее фантазий я не заходила, но ведь кто-то другой мог отнестись к ее выходкам гораздо серьезнее.

Я вспомнила о фотографии, которая якобы пропала со стола в ее офисе, и почувствовала беспокойство. «Глупо думать, что ее гибель как-то связана с фотографией», – одернула я себя, но беспокойство не отпускало.

Адрес Светкиной матери я не помнила, но надеялась без труда отыскать дом, где бывала несколько раз. Свернула напротив торгового центра, машинально отметила название улицы и вскоре тормозила возле третьего дома. Последний подъезд, квартира на первом этаже возле лестницы направо. Я позвонила и терпеливо ждала с минуту. Потом позвонила еще. В квартире тихо. Значит, Валентина Ивановна куда-то отлучилась. Надо было узнать ее телефон и предупредить о приезде. Хотя обычно пенсионеры надолго из дома не уходят.

Я вышла из подъезда, решив прогуляться и заглянуть сюда позднее. Дошла до угла дома и замерла, разглядывая небо, верхушки сосен в лесопарке напротив, потом закрыла глаза, подставив лицо последним лучам заходящего солнца.

– Ланочка, – услышала я. – Это вы, Ланочка?

Я повернулась и увидела, как Валентина Ивановна бе-

жит мне навстречу в стареньком драповом пальто и теплом платке. Прядь седых волос выбилась из-под платка, упав ей на глаза. Одной рукой женщина отбрасывала непослушную прядь, в другой держала сумку с продуктами.

– Господи, это вы, как я рада! Спасибо, что приехали!

Я подскочила к ней, взяла сумку из ее рук, а она уткнулась мне в плечо и заплакала. Я гладила ее спину и ждала, когда она успокоится.

– Спасибо, что приехали, Ланочка, – повторила она, отходя на шаг. – Идемте. Выпьем чаю. Я конфет купила. Сегодня получила пенсию. А вы давно приехали?

– Сегодня.

– По делам или родственников навестить?

– Узнала, что произошло, вот и приехала.

Валентина Ивановна посмотрела на меня и молча кивнула. Мы вошли в квартиру – за последние шесть лет здесь ничего не изменилось.

– Устраивайтесь за столом, Ланочка, сейчас будем чай пить.

Я села на расшатанный табурет возле двери на лоджию. Валентина Ивановна суежилась около плиты.

– Как вы живете? – спросила она. – Замуж не вышли?

– Нет.

– Светлана тоже была одинока. Впрочем, вы знаете. Вы были для нее самым близким человеком. Когда врачи запретили ей жить в Питере, для нее это стало настоящей трагедией.

дий. Спасибо вам огромное, что помогли ей. Жаль, что из-за здоровья...

Мне стало ясно: Светка не посвящала мать в наши взаимоотношения, а свой отъезд из Питера объяснила нездоровым климатом.

– Я удивилась, что вы не приехали на похороны. А потом вспомнила, что Света говорила: вы часто и подолгу бываете в командировках.

– Да, я недавно вернулась из-за границы.

Валентина Ивановна собрала на стол, разлила чай, посмотрела на меня и тяжело вздохнула:

– Вот такие у нас дела.

– Валентина Ивановна, простите, что я говорю об этом...

– Никто не хочет искать убийцу, – быстро произнесла она. – Сколько времени прошло, а никому никакого дела... Мою девочку убили, а теперь они выгораживают убийц.

– Кто «они»?

– Те, кто должен их найти. Они ничего не делают. Потому что все знают, кто настоящий убийца.

– Вы имеете в виду вице-губернатора?

– Конечно. Я говорила Светочке, как это опасно. Но она была такой бесстрашной. Она сказала, что не может и не будет молчать. А теперь мой ребенок лежит в сырой земле, а этот... Извините... – Валентина Ивановна достала платок и вытерла глаза. – Нервы у меня не в порядке. Моя дочь погибла, а они выдумывают разные небылицы.

– Что вы имеете в виду?

– Папку с документами. Я знаю, папка была. Светлана с ней не расставалась. И когда приезжала ко мне, папка была у нее в портфеле. Я сама ее видела.

– Папку или бумаги?

– Папку, – вздохнула Валентина Ивановна. – Света говорила, что они очень важные.

– И вы не спросили, что это за бумаги?

– А что я понимаю в бумагах, Ланочка? Я просто беспокоилась за дочь. А они сказали, что там была инструкция, как вызывать дьявола. Разве это не издевательство? Вот увидите, бог их накажет.

– Больше Светлана вам ничего не рассказывала?

– Она редко приезжала. Работа. И я не могла к ней приехать. У меня ведь две козы. Держу в сарайчике. Соседи недовольны, но... разве на мою пенсию мыслимо прожить? Никак не соберусь с силами разобраться со Светиными вещами. Ее квартиру надо продавать – квартплата большая, я и за эту-то с трудом плачу. Хотела квартирантов пустить, но кто пойдет в дом после случившегося. Да и ремонт там надо делать. Света была равнодушна к таким вопросам. А вы где остановились?

– В гостинице.

– Почему? Ах да... ваши родители... Может, поживете у Светы? Ой, я хотела сказать...

– С удовольствием, – кивнула я.

– Хорошо, тогда я сейчас принесу ключи. – Валентина Ивановна сходила в комнату и назад вернулась со связкой ключей. – Вот. Адрес вы знаете. Она купила эту квартиру полтора года назад. Так радовалась – наконец-то свое жилье. Меня к себе звала. А теперь... Вы виделись с Агнессой? – несколько неожиданно сменила женщина тему.

– С кем?

– С Агнессой. Это подруга Светочки. Очень милая женщина, медик по образованию. Она намного старше, но они очень подружились. Вам непременно надо с ней поговорить. У Светочки над телефонной тумбочкой написан номер ее телефона. Прямо на стене. Увидите.

– Спасибо, – сказала я, поднимаясь. – Перед отъездом я загляну к вам, чтобы вернуть ключи.

Валентина Ивановна вышла меня провожать. Я махнула рукой на прощание и поторопилась покинуть двор, чтобы не видеть ее сгорбленной фигуры и ее глаз. Наличие у Светки подруги обнадеживало. Пока все дружно говорили лишь о ее дурном характере, склонности к неумеренным фантазиям и откровенному вранью. Может, подруга знает нечто, что поможет найти ту самую ниточку... Хотя... Милицию подруга наверняка тоже заинтересовала, а с ниточками и у них, как видно, не густо.

Светка купила квартиру уже после своего возвращения из Питера, и я понятия не имела, где она находится, но выяс-

нить это было делом двух минут. Нужный мне дом располагался не так далеко от центра города, на тихой улочке доведенной застройки. Дома особо глаз не радовали – штукатурка обвалилась, во дворах покосившиеся сараи, дороги вокруг тоже требовали ремонта. Правым колесом я влетела в лужу, которая оказалась глубиной с океанскую впадину, и зло чертыхнулась. Машине нет и года, но таких испытаний она долго не выдержит.

Дом был трехэтажный, выкрашенный розовой краской, с палисадником, в котором еще лежал снег, и металлическими козырьками над дверями подъездов. Подъездов было два, причем в котором из них семнадцатая квартира, оставалось лишь догадываться. Рассудив, что квартир в доме двадцать с небольшим, по четыре на каждом этаже, я направилась к подъезду, который сочла вторым, и оказалась не права. Распахнула деревянную дверь и увидела почтовые ящики – нумерация здесь начиналась с единицы. Пришлось возвращаться к другому подъезду. Дверь здесь была металлическая, хотя кодовый замок и сломан. Однако подъезд, несмотря на это, порадовал чистотой.

Я поднялась на второй этаж, неторопливо достала ключи, вставила в замок. Дверь открылась с легким щелчком, и я вошла в прихожую, нащупала выключатель. Вспыхнула слабенькая лампочка на длинном шнуре без абажура. Прихожая была довольно большой, но захлавленной, огромный шкаф занимал чуть не половину площади. Старый, облез-

лый, он наверняка остался от прежних хозяев. Заперев входную дверь, я сделала несколько шагов, заглянула в кухню. Везде слой пыли, на столе забытая чашка, зеркало завешено черной шалью.

– Привет, – сказала я громко и толкнула дверь в единственную комнату. Включила свет и присвистнула от неожиданности.

Надо сказать, Светкино жилище впечатляло. Стремление к чистоте у Светки всегда отсутствовало, я это знала. Но назвать данную комнату жилой мог бы лишь человек с очень большой фантазией. Шифоньер без одной створки, письменный стол, заваленный книгами, диван под потертым покрытием, надувной матрац вместо кровати, на нем гора разноцветных подушек. На стенах облезлые обои, и все свободное пространство стен исписано разноцветными фломастерами почти от самого пола и до уровня вытянутой над головой руки.

– Оригинально, – пробормотала я и попробовала прочесть надпись у двери.

Стихи. Светкины. И, как всегда, никуда не годятся. Последние две строчки перечеркнуты. Рядом надпись карандашом: «Я знаю, кто ты». И ниже та же фраза, повторенная четырежды, записанная столбиком: «Я знаю, кто ты». Я присела на корточки и принялась разбирать Светкины каракули. «Дьявол появляется в полночь, когда город спит. Спит душа, и дьявол на свободе». То ли стих, то ли просто дурацкие

мысли, которые ей пришлось в голову записать на обоях. Еще надпись. «Как тебе в моей роже?» – прочитала я и невольно усмехнулась. «Как тебе в моей душе?» – прочитала я ниже.

– Полный бардак, я полагаю, – ответила и вновь усмехнулась я.

Может, у нее были проблемы с бумагой? Я представила, как Светка стоит у стены и пишет эти строчки. Чокнутая девка с моим лицом, которая предлагает примерить свою душу... Слово «кладбище» в настенных надписях встречалось очень часто. Взгляд выхватил еще одну: «Кто может противостоять дьяволу? Святая Агнесса?» Святая Агнесса... Агнесса... Так зовут ее подругу. Пожалуй, нам стоит встретиться. «Легкой поступью безумие подкрадывается в темноте». Кажется, опять стихи. Если верить этим строчкам, Светка сходила с ума, спрятавшись от мира за стенами своей квартиры, остервенело исписывала обои фломастером, пока какой-то психопат не положил этому конец. «Когда мы встретимся с тобой перед вечным судьей, ты не сможешь смотреть мне в глаза. Я тебя прощаю. Я тебя люблю. Я знаю, кто ты». Это что, послание?

– Если ты хотела, чтобы я поняла, могла бы выразиться яснее, – буркнула я, но строки вызвали смутное беспокойство. Может, они адресованы не мне и был еще человек, которого она любила и простила?

У меня начала кружиться голова и от мелькающих перед глазами надписей, и от духоты. Комнату давно не проветри-

вали, от пыли слезились глаза. Я прошла к окну, чтобы открыть форточку. На стекле губной помадой было написано: «У твоих дверей стою я, прошлое, я друг твой, страж и тот, кто предостерегает».

– Что-то знакомое, – пробормотала я, досадуя, что не могу вспомнить, откуда эти строчки.

А вот еще – гелевой ручкой по подоконнику: «Блуждаю по стране сухих камней, касаюсь их – они кровоточат».

– Элиот, – кивнула я, радуясь, что на сей раз память не подвела.

«Кто-то стоит в темном коридоре и выкрикивает одно имя за другим». Проехали. Опять губной помадой: «С.С. (или Л.А.?)». Надо полагать, это обращение ко мне. «С.С.» – Светлана Старостина, в скобках под вопросом инициалы моего нового имени – Лана Алексеева. «Имя, твое истинное имя знаю только я».

Может, таким образом Светлана хотела придать своему жилищу оригинальность? Что ж, у нее это получилось. Следующая фраза на стене возле окна трижды подчеркнута: «Все дороги ведут наверх, к кладбищу. Пройди за мной мой путь, если хочешь вернуться».

– Почему бы вместо чистого листа в конверте не оставить записку, кого или чего ты так боялась? – вздохнула я.

Возможно, она действительно была сумасшедшей? Я почти уверена в этом. А если все-таки нет и эта чепуха губной помадой по стеклу все-таки послание? Если послание, я

отказываюсь его понимать. Для моих неповоротливых мозгов вся эта кладбищенская лирика – просто бред. Но строчки против воли вертелись в голове. Вдруг Светка предчувствовала свою гибель и торопилась дать подсказку? О чем я? Должно быть, ее квартира так на меня действует, и я тоже начала съезжать с катушек.

Я прошла в кухню, пошарила в шкафах, нашла банку с кофе и поставила чайник. В этот момент в дверь позвонили. Громкий звонок разорвал тишину квартиры, изрядно меня напугав. Я поставила банку на стол, но в прихожую не спешила. Позвонили еще раз. Может, кто-то из соседей проявил беспокойство? Глазок в двери отсутствовал, как и цепочка. Поколебавшись мгновение, я все-таки открыла дверь. На пороге стоял мужчина в кожаной куртке. На меня он взглянул с некоторым удивлением, спросил с заминкой:

– Вы что, ее сестра? Не знал, что у нее есть сестра.

– А вы, собственно, кто? – не осталась я в долгу. Он сунул руку в карман, а я предупредила, проследив за его движением: – Эй, поспокойнее.

– Я за документами, – обиделся мужчина. – А вы девушка неожиданная.

– В каком смысле?

– В смысле реакции. В армии не служили?

– Бог миловал.

– Если не возражаете, я все-таки достану удостоверение. – Визитер извлек удостоверение из кармана и сунул мне под

нос. — Я здешний участковый. Ковалев Алексей Дмитриевич. Живу в доме по соседству. Увидел свет в окнах, заинтересовался.

— У вас здесь все такие бдительные? — съязвила я.

— Нет, я один остался. Можно я все-таки войду?

— Валяйте. — Я посторонилась, давая ему дорогу.

Примерно в тот момент меня посетило шестое чувство. Оно нет-нет да и появляется. Причем обычно предупреждает об опасности. К примеру, внутренний голос вдруг шепнет: «Не клади все деньги в кошелек» — и в тот же день кошелек свистнут в метро. Беспокоиться о кошельке в присутствии участкового довольно глупо, однако внезапное беспокойство давало себя знать учащенным сердцебиением, оттого я пригляделась к Алексею Дмитриевичу повнимательнее. На вид ему было лет сорок, хотя могло быть и меньше. В коротко стриженных темно-каштановых волосах ни намек на седину, симпатичная физиономия с ярко-синими глазами, по привычке сощуренными — то ли зрение подкачало, то ли таким образом мужчина явно пытался придать себе добродушный вид эдакого смешливого дядьки с хитроватым прищуром. Глубокие морщины между бровей и у крыльев носа, но такие морщины встречаются у людей и помоложе. В принципе, так мог выглядеть и тридцатилетний, но что-то в выражении лица участкового выдавало человека, пожившего и даже повидавшего, поэтому при определении его возраста я остановилась на сорока. Джинсы, черный свитер и куртка,

дешевые ботинки. Довольно высокий и плечистый, но плечи опущены. Топчется рядом, поглядывая на меня. По виду типичный мент, которого то ли жизнь, то ли жена задолбали вконец, а может, та и другая вместе.

Поразмыслив немного, я пришла к выводу, что шестое чувство на сей раз дало маху и опасаться нечего.

– А вы, значит... – начал он, оглядываясь.

– Я подруга. Ключи от квартиры мне дала Валентина Ивановна.

– Подруга? Я думал, сестра. Вы очень похожи. Документы у вас есть?

– Конечно.

– Можно взглянуть?

– Да ради бога. – Я взяла сумку и достала паспорт.

– Из Питера? Как там погода?

– Отличная.

– Правда? А говорят, там всегда дожди. Никогда не был в Питере. Красивый город.

– Откуда знаете, если не были?

– Так я телевизор смотрю. Можно узнать, зачем приехали?

– Бдительность у вас на высоте, – не удержавшись, съязвила я.

– Так ведь убийство. Приходится быть бдительным. Значит, ключи вам дала мать убитой хозяйки квартиры?

– Хотите проверить? Можете позвонить ей. – Я ткнула

пальцем в стену над тумбочкой, где был целый телефонный справочник. На третьей строке номер и напротив слово «ма-ма».

– Надеюсь, она еще не спит, – точно стыдясь, сказал Алексей Дмитриевич и стал набирать номер. Ответили ему сразу, и он заговорил в трубку: – Прошу прощения, это участковый Ковалев...

Я пошла в кухню, надеясь, что чайник уже вскипел. Через минуту там появился Алексей Дмитриевич.

– Еще раз простите за беспокойство, – сказал он, но вместо того, чтобы убраться, замер возле двери с сиротским видом. – По паспорту вы Светлана Сергеевна, а хозяйка вас Ланой назвала.

– Светлана – Лана, – пояснила я подозрительному участковому.

– Ах, ну да... Надолго к нам?

– В квартиру?

– В наш город.

– Вообще-то это мой город. Я здесь родилась. Вы же видели паспорт.

– Да-да, город ваш. А я вот из Ташкента.

Непонятно было, зачем он топчется тут и болтает всякие глупости.

– Вы знали Светлану? – спросила я.

– Убитую? Да. Знал. Я живу в соседнем доме. На нее как-то соседи жаловались, ну я и зашел разобраться.

– На что жаловались?

– На стук. – Увидев мой недоуменный взгляд, он развел руками. – Пенсионеры. Шум их раздражает. А она имела привычку стучать по ночам.

– Чем стучать? – проявила я интерес и услышала в ответ.

– Сказала, головой об стену.

– Кто сказал?

– Подруга ваша. Я, как и вы, сначала удивился, а она спрашивает: а у вас, говорит, разве не бывает желания стукнуться головой о стену? Ну, я подумал-подумал и ответил. У нас завязалась интересная беседа.

– Вы что, тоже головой стучитесь?

– Бог миловал, но желание иногда возникает. А у вас?

– Я голову берегу, она мне для работы нужна.

– Намеряете, что для моей работы голова без надобности? – засмеялся Ковалев. – Вы меня кофейком не угостите?

– Угощу. Чужой кофеек, не жалко.

Он устроился за столом. Подумал и снял куртку. Смотрел на меня и улыбался так, точно видел меня насквозь и хотел изречь что-то умное, к примеру: «Эх, молодость, молодость...»

– Так вы родню навестить решили или дело какое? – ласково поинтересовался он.

– Ваша бдительность не знает границ.

– Я в том смысле, жить здесь будете или...

– Здесь. Что, нельзя?

– Почему же. Если хозяйка не возражает... Только довольно странно... выбрать эту квартиру... неподходящее жилье для такой девушки. Я когда первый раз сюда зашел, признаться, минут десять приходил в себя от изумления.

– А во второй? – спросила я быстро.

– Во второй пообвык, уже не шарахался.

– Часто к ней заглядывали?

– Три раза. Говорю, соседи жаловались. Пришлось беседовать.

– И о чем вы с ней говорили?

– Я ей советовал к врачу сходить. Принимать снотворное и спать по ночам.

– А она послала вас к черту?

– Как вы догадались? – засмеялся он. – Светлана Сергеевна, а ведь вы так и не ответили... Вы по какому делу в наш город приехали?

– Да нет никакого дела, – прихлебывая кофе, сказала я. – Просто приехала. И вдруг узнала о том, что Светлану убили.

– А раньше не знали? Вы же подруга, и ее мать...

– Так получилось. Была в командировке за границей.

– А со Светланой давно дружили?

– С университета. Но последние два года не виделись и вообще не общались. Так что следствию я вряд ли чем помогу.

– С университета? Значит, вы тоже журналистка?

– Переводчик.

– Это хорошо. А то я грешным делом подумал, решили своими силами разобраться, что да к чему. Мол, в милиции одни идиоты, а вы, значит, всех на чистую воду да статейку в газету.

– Бойтесь статеек?

– Чего мне бояться? Я за вас боюсь. Сунете свой нос...

– Звучит почти как угроза, – широко улыбнулась я.

– Побойтесь бога, – развел он руками. – О вас душа болит. Спасибо за кофеек. Простите, что побеспокоил. – Он встал, взял куртку, но пошел не к двери, а к окну. – Это ваша машина во дворе?

– Моя.

– Ага. Я обратил внимание, номера питерские.

Он встал сбоку от окна, придерживая рукой занавеску, а я головой покачала.

– На все-то вы внимание обращаете.

– Не только я.

– Что вы имеете в виду?

– Не что, а кого. Паренька, что вертится возле вашей тачки.

Я подошла и выглянула в окно, но, кроме машины, ничего не увидела.

– Он вон там, ближе к кустам, сейчас сюда смотрит, – зачем-то понизив голос, сказал Ковалев. – Собираетесь здесь ночевать?

– Нет.

– Тогда я провожу вас до машины.

Я кивнула, еще не зная, следует мне беспокоиться или нет, выключила свет, подхватила сумку и куртку и первой шагнула к двери, но Алексей Дмитриевич взял меня за локоть.

– Не возражаете, если я пойду первым?

– Да что происходит?! – не выдержала я.

– Объясняю. Ваша подруга убита, убийца до сих пор не найден, появляетесь вы, и ваша машина сразу же привлекает чье-то внимание. Может, случайно, а может, и нет. Я, знаете ли, случайности не люблю.

– Хорошо, идите первым.

В подъезде горел свет, да и вообще никакого нападения я не ожидала. То, что кто-то обратил внимание на мою машину, неудивительно. Новенькая «Ауди-ТТ» – может, парень их раньше не видел? Мы вышли из подъезда, я быстро огляделась и успела заметить, как какой-то мужчина шагнул из тени кустов и быстро направился со двора в сторону улицы.

– Эй! – окликнул его Алексей Дмитриевич.

В то же мгновение я увидела чью-то тень слева, напряглась, готовясь принять удар, но тут Ковалев резко повернулся, и тень, которая, естественно, не была бестелесной, взметнулась вверх, не удержавшись на ногах и взвизгнув от боли. Тут же выяснилось, что тени по одной не мелькают. Нападавших было трое, причем весьма неплохо подготовленных. Отнюдь не случайные хулиганы, которые, подкравшись сзади, бьют прохожего по голове и радостно улепетывают с его

кошельком.

Однако их подготовка не шла ни в какое сравнение со способностями Ковалева. Он отреагировал молниеносно и так профессионально, что у меня на языке завертелся вопрос: в каком таком хитром месте готовят подобных участковых? Я могла бы постоять в сторонке, наблюдая за баталией и ожидая, когда смогу запечатлеть на устах победителя поцелуй, а также задать ему свои вопросы, но один из нападавших воспылал ко мне внезапным интересом, подскочил и схватил в охапку с совершенно неясной целью. По-моему, он и сам не очень понимал, что делает. Чтобы привести его в чувство, я легонько задвинула ему ногой по щиколотке, а потом локтем в солнечное сплетение, очень надеясь, что сильно занятый Ковалев не обратит на это внимание.

Тут в поле нашего зрения возникла машина с включенными фарами. Она резко притормозила, и трое наших врагов, не сговариваясь, бросились к ней. Алексей Дмитриевич ухватил одного за шиворот, но тот ловко вывернулся, оставив в его руках куртку, Ковалев потерял равновесие и упал, что позволило парню добежать до машины.

Как только он оказался в кабине, машина рванула с места и понеслась вперед, Ковалев успел откатиться в сторону, счастливо избежавшись от встречи с колесом, а я все-таки взвизгнула, потому что в какой-то момент мне показалось, что избежать этой самой встречи не удастся.

– Тьфу ты, черт, – сказал он, поднимаясь. Тряхнул вражью

куртку и добавил с досадой: – Вот зараза!

– Ваши знакомые? – мило спросила я.

– Что?

– У вас со слухом проблемы?

– Нет. С сообразительностью. Что вы хотели сказать, уважаемая Светлана Сергеевна?

– Вы ожидали нападения, и оно не замедлило явиться. У вас полно врагов или только эти? Я на тот предмет, что знакомство с вами может быть из разряда экстремальных.

– Ничегошеньки я из ваших слов не понял. Даже испугался. Слова вроде знакомые, а картинки не складываются.

– Так вы с картинками любите? – съязвила я и засмеялась. – Черт с вами, не хотите ничего объяснять, не надо. Сама разберусь.

– Вот лучше бы без этого, Светлана Сергеевна, – жалобно пискнул он. – Без «сама» и «разберусь». Есть соответствующие товарищи, а вы бы утречком на машину – и домой, в Санкт-Петербург. А, Светлана Сергеевна?

– Кстати, о товарищах. Вы в милицию звонить собираетесь?

– А надо? – с сомнением спросил он.

– Это даже забавно, – хихикнула я. – Слушайте, может, вы никакой не участковый? Удостоверение липовое, а сам вы...

– Не смешите. Меня здесь каждая собака знает. Хотите, позвоним в ближайшую квартиру... И живу я в соседнем доме, я же говорил. Вот он, кстати.

– Тогда тем более стоит позвонить в милицию. Разве нет?

Он топтался передо мной, разглядывая грязный асфальт, с чужой курткой под мышкой, опущенные плечи, в лице маеста. Типичный мент, ничего от недавнего лихого бойца. Весьма стремительные метаморфозы.

– Светлана Сергеевна, это нападение с убийством вашей подруги они никак не свяжут. Скажут, хулиганы.

– И вас не послушают?

– Меня в особенности.

– Что так?

– Надоел я им с этим убийством хуже редьки пареной. Скажут, опять выдумываю, еще и вас втянул.

– А не поговорить ли нам, Алексей Дмитриевич, в теплой и дружеской обстановке?

– Можно, – пожал он плечами. – Приглашаю вас в гости.

– Лучше в гостинице.

– Так меня туда не пустят, время-то позднее.

– А удостоверение? – напомнила я.

– Ах, ну да. Хорошо. Гостиница так гостиница.

Мы устроились в машине, он огляделся и произнес с улыбкой:

– Никогда на такой не ездил. Прокатиться дадите?

– Если будете хорошо себя вести.

– Ну, так я со всей душой!

– Хочу выразить восхищение вашей прекрасной физической подготовкой. С тремя нападавшими вы так ловко раз-

делались...

– Не без вашей помощи, – выдал он шикарную улыбку, сразу став лет на десять моложе.

– Мой вклад был незначительным.

– Но впечатляющим. Не знал, что журналисты теперь проходят курс молодого бойца.

– Да бросьте вы, сейчас многие женщины занимаются в различных спортивных группах.

– Ах, ну да, курсы самозащиты, «укокошь его сама» и все прочее. Женщины так самозабвенно пытаются сравняться с мужчинами. Ничего не имею против всеобщего равенства, но только не в мордобое.

– По-моему, вы мне зубы заговариваете, – недовольно ответила я, размышляя на тему, мудро ли поступила, пригласив его к себе. Хоть сейчас он и выглядел абсолютно безопасно, однако до этого успел произвести столь сильное впечатление, что до сих пор был на подозрении. – Лучше расскажите, как вам удастся поддерживать отличную физическую форму.

– Я же мент, – обиделся он.

– И что?

– Между прочим, в недавнем прошлом я боевой офицер. Ордена имею. Могу показать.

– Вы их с собой носите?

– Нет. Дома храню. Приехал сюда несколько лет назад. Скучно стало дома сидеть, вот и пошел в участковые.

– Вам лучше в спецназ.

– Благодарю покорно, я уже отвоевался.

Я как раз притормозила у гостиницы.

– А замашки у вас... богатые, – хмыкнул он. – Тачка – класс, и гостиницу выбрали лучшую в городе.

– Да? Я не знала, что она лучшая. Что ж, идемте.

Оставив машину на стоянке, мы вошли в просторный вестибюль.

– Может, посидим в баре? Неловко как-то в номер подниматься. – Среди мраморной плитки и позолоты мой хитроглазый спутник заметно затосковал, весь как-то скукожился, видимо, подозревая неуместность своего присутствия среди данного великолепия.

– А платить кто будет? – проявила я любопытство, подозревая, что разговор в общественном месте он предпочитает с одной целью – мне придется вести себя прилично: если я и начну требовать объяснений, то зловещим шепотом.

– Вы, конечно, – обиделся он. – Откуда у меня деньги?

– Тогда я лучше сэкономлю. Не бойтесь, приставать не буду.

– Моего нахальства не хватит мечтать о таком, – грустно признался Ковалев, но взгляд с прищуром был скорее насмешливым.

– Бросьте, я женщина, к тому же свободная. А вы только что геройствовали в мою честь, и я к вам душевно расположена, так что вполне...

– Охота вам смеяться над человеком, – попенял он, первым входя в лифт.

Мы поднялись на третий этаж, дежурная отсутствовала, я сама взяла ключ, так что удостоверение не понадобилось. В номере Ковалев устроился в кресле и принялся осматривать принесенную с собой вражескую куртку.

– Документов, конечно, нет, – сказал с печалью. – Похоже, вообще ничего нет.

– Грустно, – кивнула я, устроилась в соседнем кресле и продолжила: – Слушаю вас очень внимательно.

– Что? – вскинул он на меня небесно-синие очи.

Я поднялась, прошла к двери, распахнула ее и сказала:

– Выметайся.

– Как грубо...

– Выметайся, – повторила я.

Он поднялся, а я испугалась, что он и вправду уйдет, но куртку он оставил в кресле, и это вселяло определенную надежду. Хотя, может, это его прощальный подарок? Ковалев подошел, вздохнул и закрыл дверь. После чего взял меня за руку и направился к креслу.

– Хорошо, – сказал он без тени неудовольствия в голосе. – Обменяемся впечатлениями.

– Кто начнет?

– Лучше вы.

– Я узнаю, что моя подруга погибла, и приезжаю сюда...

– Просто так приезжаете? – тут же встрял он.

– Допустим, мною движет желание понять, что произошло.

– Намереваетесь утереть нос ментам?

– Сейчас чье выступление, мое или ваше? – разозлилась я.

– Извините.

– Взяв ключи у матери Светланы, я прихожу в квартиру, а с интервалом в несколько минут там появляетесь вы. Обращаете мое внимание на интерес каких-то граждан к моей машине, вызываетесь проводить, и тут же на нас нападают неизвестные, бог знает с какой стати. Потом бегут сломя голову, а вы, вместо того чтобы вызвать милицию, отправляетесь со мной в гостиницу для душевной беседы.

– Гостиницу вы предложили.

– Несущественно.

Ковалев кивнул. Я молчала, разглядывая его. Он радостно мне улыбался, точно ждал подарка, но, ничегошеньки не дождавшись, пожал плечами и спросил:

– Какие выводы?

– Выводы? Неутешительные. Голову вы мне морочите, служивый.

– И вы можете назвать причину, по которой я это делаю? – вроде бы заинтересовался он.

– Ну, если немного напрячь воображение...

– Я весь внимание.

– Все, с кем я успела поговорить о Светлане, пытались убедить меня, что она чокнутая и что убить ее мог, скорее всего,

какой-то псих.

– Вам такая версия не приглянулась?

– До вашего появления я готова была с ней согласиться.

– И что мое появление?

– Ваше появление заставило вспомнить о некоем взаимном недовольстве Светланы и вице-губернатора. Власть наша заметно поумнела, и отправить ко мне мордастого парня с предложением свалить из города в течение ближайшего часа – дурной тон. Гораздо разумнее подsunуть участкового с замашками Джеймса Бонда, который мягко объяснит, что мое присутствие здесь нежелательно, а если я не вникну, то он, став героем и верным спутником, сможет быть в курсе моих изысканий, а при случае...

– Не годится, – покачал герой головой. – Вице-губернатор и его окружение должны были вас очень испугаться. А кто вы такая, простите, чтобы они вдруг так расстарались?

Мы пялились друг на друга – он со своей восхитительной улыбкой, а я со все большим недовольством. И в самом деле: кто я такая? И с какой стати кому-то особенно меня бояться?

– Ладно, – махнула я рукой. – Теперь ваша очередь.

– Можно я разденусь? – спросил Ковалев.

– Совсем? – подняла я брови.

– Нет. Куртку сниму, здесь жарко.

– Валяйте и не тяните время.

Куртку он снял, бросил ее на стул и прошелся по комнате, сунув руки в карманы джинсов.

– В одном вы правы, – задумчиво начал он. – Почему-то все стремятся представить ее чокнутой. А я ведь разговаривал с ней. Конечно, она была довольно странной особой, я бы сказал, с большими причудами, но вряд ли сумасшедшей. И она чего-то боялась. Я простой участковый, но никто не запрещает мне иметь свое мнение. И мнение у меня такое: это дело торопятся сдать в архив, что мне не нравится. Может, потому, что я знал убитую, а может, во мне, как и в вас, сильно развито любопытство. Теперь по поводу вице-губернатора. Я читал ее статьи. Не в обиду вам, журналистам, будь сказано, они гроша ломаного не стоили – сплошные догадки, абсолютно ничем не подтвержденные. Но особенно мне не нравится способ убийства. Я бы назвал его изощренным и садистским. Киллеры так не убивают. Скорее похоже на месть. Кому могла так досадить Светлана? Вдруг появляетесь вы. Скорее всего, вами движет идея стать звездой средств массовой информации. В любом случае я подозреваю вас в желании провести собственное расследование. Не успели вы появиться в квартире, как вами сразу же заинтересовались какие-то ребята. Маньяки, как известно, предпочитают действовать в одиночку, а здесь вдруг группа поддержки в количестве четырех человек. Тему маньяка можно смело отставить. Следовательно, Светлану действительно кто-то боялся, а теперь, по неизвестной причине, те же люди испытывают интерес к вам. За квартирой, скорее всего, следили, – очень уж быстро они среагировали. Значит, у этой истории

есть продолжение. Если вы здесь появились из простого любопытства, самое разумное для вас – уносить ноги. Пока вы бродите в темноте неведения, велика вероятность оказаться в морге, так и не поняв, что происходит. Мне очень бы не хотелось такого финала по двум причинам: во-первых, как участковый, я не горю желанием заполучить лишний труп, а во-вторых... девушка вы красивая... – Ковалев выдал свою улыбку и замер напротив меня.

– Вы сказали, она чего-то боялась? – задала я вопрос.

– Сказал.

– Почему вы так решили?

– Общее впечатление. Я пытался с ней поговорить, но... наверное, не сумел быть убедительным и вызвать ее доверие.

– Позиция следствия как-то связана с историей с вице-губернатором?

– Возможно, – пожал он плечами.

– И каков ваш прогноз? – все-таки поинтересовалась я.

– Вряд ли в ближайшее время у них появится подозреваемый.

– Потому что они не особо ищут?

– Если и ищут, то не там.

– А где, по-вашему, стоит поискать?

– Я же участковый, – обиделся он. – Вы хотите от меня слишком многого.

– Тогда, может, следует сообщить о нападении? Чтобы направить поиски милиции в нужное русло?

– Как пожелаете. Свое мнение я уже высказал: вряд ли они свяжут два этих события. Скорее решат, что парни надумали угнать вашу тачку, а мы им помешали.

Он подхватил свою куртку, намереваясь меня покинуть. Чувствовалось, что у него есть соблазн спросить, отправлюсь ли я восвояси с утра пораньше, но он, как видно, решил не торопить меня, дав мне возможность подумать. Я встала, разложила на столе вражью куртку и вывернула все карманы. Алексей Дмитриевич замер, с любопытством наблюдая за мной. Я включила настольную лампу и тщательно осмотрела все швы. Шов на правом кармане когда-то распоролся, и его зашили на скорую руку – через край, синими нитками, хотя подкладка была черной. Такая небрежность вселяла определенные надежды. Я тщательно ощупала подкладку, особенно внизу, возле резинки, которая стягивала низ куртки на спине.

– Что-то есть, – сказала я удовлетворенно. Алексей Дмитриевич вроде бы не поверил и пощупал сам, после чего усмехнулся.

– Десятикопеечная монетка. Завалилась за подкладку.

Я достала маникюрные ножницы и, не обращая на него внимания, стала отпарывать подкладку. Ковалев плюхнулся в кресло, откуда с интересом наблюдал за мной. Десятикопеечная монета имела место быть, но мои труды не пропали даром – там же я обнаружила клочок бумаги, скрученный в рулончик. Очень может быть, что он провалялся под под-

кладкой не один месяц.

– Дайте я, – не выдержал Ковалев и осторожно принялся его раскручивать. Поначалу я не поняла, что это за бумажка, она показалась мне совершенно бесполезной. Но тут Алексей Дмитриевич взглянул на меня и с некоторой обидой произнес: – А вы везучая.

– Что там такое? – нахмурилась я.

– Железнодорожный билет. Точнее – его часть. Держите лампу. – Я выглядывала из-за его локтя, затаив дыхание, одной рукой направляя свет лампы. – Талызин А., – прочитал Алексей Дмитриевич и добавил: – Надо же... – И взглянул на меня с сомнением, вновь поражаясь моему везению.

– Сможете узнать, что за тип? – спросила я.

– Попробую. Может, все-таки есть смысл позвонить в милицию? – потерев нос, спросил он как бы сам себя.

– Чтобы они вернули парню куртку? – съязвила я. – Вы же сами говорили...

– Помню, что я говорил, – ворчливо ответил Ковалев. – Разумеется, никуда вы завтра не уедете?

– Я бы и без этой бумажки не уехала.

– Жаль, что мне не достался другой участок, – сказал он совершенно серьезно. И через пять минут ушел.

Я немного постояла под душем и легла в постель, но вместо сна долго размышляла, чем меня так тревожит этот парень? С одной стороны, все в нем вроде бы понятно, с другой... С другой стороны, у меня появилось чувство, будто я

не вижу очевидного, а надо бы.

Утром, позавтракав в кафе напротив, я немного побродила по городу, снова предаваясь размышлениям. На умудренную утром голову кое-что из сказанного вчера Ковалевым показалось мне интересным. Допустим, чудовищная смерть Светки – чья-то месть. Вопрос прежний: кому она могла так досадить? Участковый прав, в подобную кровожадность вице-губернатора все-таки не верится. Но что-то Алексей Дмитриевич явно недоговаривал, что, в принципе, тоже объяснимо. Значит, придется разбираться самой.

Для начала я решила навестить Агнессу, раз уж, по словам Валентины Ивановны, она была лучшей Светкиной подругой. Но сначала надо было еще раз заглянуть в Светкину квартиру – вчера после внезапного появления Ковалева списать номер ее телефона я не удосужилась.

Поднимаясь по лестнице, я столкнулась с пожилой дамой в мехах и элегантной шляпке. Улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась. Более того – дама шарахнулась от меня, точно столкнулась с привидением. Тут я подумала, что мое образное сравнение не так далеко от истины. Что могла решить женщина, увидев лицо, столь похожее на лицо убитой соседки? Я достала ключи и вставила ключ в замок. Дама обернулась и теперь наблюдала за мной.

– Я буду жить здесь некоторое время, – сказала я. – Ключ мне дала Валентина Ивановна. Вы можете справиться у нее.

Женщина растерянно кивнула, спустилась еще на две ступеньки, но вдруг вернулась.

– Вы ее сестра?

– Дальняя родственница, – ответила я. Соврать было проще, чем объяснить правду.

– Невероятно похожи. Я было подумала... – Она нервно хихикнула. – Не страшно вам жить в этой квартире? – Дама оказалась из разговорчивых.

– Но ведь ее убили не здесь.

– Конечно. Только сама квартира... Вы знаете, чем занималась ваша родственница? – Последние слова она произнесла очень ядовито.

– Чем же она занималась? – улыбнулась я. – Журналистикой?

– Журналистикой... – передразнила дама. – Черной магией! Черти ее по ночам гоняли!

– Не стыдно вам говорить такие глупости? – удивилась я. – Внешне вы производите впечатление разумного человека.

Женщина нахмурилась и поспешила прочь. Однако не успела я оказаться в прихожей, как в дверь позвонили. Я открыла и без особого удивления обнаружила все ту же даму.

– Не думайте, что я на нее наговариваю, – с места в карьер начала она. – Вы не представляете, что здесь творилось.

– Может, вы пройдете? – предложила я.

Она в замешательстве сделала шаг назад. Спросила настоятельно:

– Зачем?

– Ну... мы могли бы поговорить.

Ей не понравилось мое предложение, однако я обратила внимание, как жадно она оглядывалась. Разумеется, любопытство победило, и дама вошла в квартиру.

– Прическа у вас другая, и одеваетесь вы... А она одевалась скверно – то вырядится, точно невеста, то бродит, как бомж. – Она окинула меня взглядом с ног до головы. – Не очень-то вы и похожи. Это мне в подъезде показалось... наверное, из-за освещения...

– Хотите чаю? – предложила я, зная не зная, имеется ли здесь чай для заварки.

– Нет уж, спасибо. Господи, какой свинарник! – сказала она с удовлетворением. – Как можно здесь жить?

– Да, придется навести порядок. Вчера приходил ваш участковый...

– Алексей Дмитриевич? – оживилась дама, улыбнулась и даже расправила плечи. Чувствовалось, что к служивому она благоволит.

– Вы его хорошо знаете?

– Приходилось к нему обращаться.

– По поводу стука из этой квартиры? – как можно мягче спросила я, но даме все равно вопрос не понравился.

– И по поводу стуков тоже. Не думайте, что я из тех, кто пишет кляузы на соседей, но... Жить с ней рядом было просто невозможно!

– Гости, застолье допоздна, громкая музыка?

– Если бы... Тут кое-что похуже. – Соседка все-таки прошла в комнату и села на краешек дивана. – Да... примерно так я себе это и представляла.

– Раньше вы здесь никогда не были?

– Конечно, нет. Я пыталась поговорить с ней... в самом начале... Бесполезно. По-моему, она была сумасшедшей, если не хуже.

– Почему вы решили, что она занималась черной магией?

– Зря смеетесь, – нахмурилась дама. – Человек, который ходит по ночам на кладбище... И потом... из ее квартиры пахло серой. Можете сколько угодно потешаться над моими словами, но так оно и было. В милиции тоже ухмылялись, а зря. Может быть, поверь они мне, им бы стало ясно, за что она приняла такую смерть.

– Откуда вы знаете, что она ходила по ночам на кладбище? – спросила я.

– Люди видели. И еще этот странный субъект, что приходил к ней...

– Мужчина?

– Да. Весь в черном. А глаза... Никогда не видела таких глаз. От его взгляда жуть берет.

– О нем в милиции вы тоже рассказали?

– Мне было довольно их насмешек. Они дали понять, что считают меня выжившей из ума.

– Часто к Светлане навещался этот субъект?

– Я встречала его дважды. Первый раз в конце лета, а второй раз уже в ноябре, незадолго до ее убийства. А после ее смерти приходил еще один тип и всех здесь расспрашивал, чем она занималась, кто к ней навещался и все прочее.

– Так это, должно быть, из милиции.

– Не смешите. По-вашему, я не отличу милиционера от бандита?

– Он был похож на бандита? – удивилась я.

– Форменный бандит. Кожаное пальто до пола, короткая стрижка и беспрестанно жует.

– Больше не появлялся?

– Я его, по крайней мере, не видела.

– О нем вы тоже в милицию не сообщили?

– Я позвонила Алексею Дмитриевичу. Он человек порядочный, к пенсионерам относится с уважением, молодежи бы поучиться у него.

Соседка вдруг резко встала и направилась к двери.

– Мне пора в поликлинику. Не представляю, как вы здесь будете жить. – Тут она ткнула пальцем в стену, прямо в одну из надписей черным фломастером. – Что здесь написано?

Я невольно вздохнула, но соврать не решилась, у нее могло быть далеко не такое скверное зрение, как она хотела показать.

– «Они умерли ужасной смертью, – прочитала я. – Попад в силки, сплетенные из их собственных криков».

– Вот видите, – тряхнула дама головой. – И вы еще сомне-

ваетесь?

– Вообще-то это стихи...

– Это? Стихи? Я бы не советовала вам оставаться здесь на ночь, – перебила она меня и стремительно зашагала к двери.

Такая стремительность не пошла ей на пользу – она задела бедром шкаф, единственная дверца жалобно скрипнула, и что-то упало ей под ноги. Странно, что все содержимое шкафа разом не вывалилось, ведь, судя по всему, свои вещи Светка заталкивала в него ногами. Через мгновение данное обстоятельство перестало меня занимать, потому что дама взвизгнула, а потом очень натурально схватила за сердце.

– Что это? – с трудом произнесла она, тыча пальцем в пол. Я наклонилась и по дурацкой привычке присвистнула. На полу валялась тряпичная кукла. Размалеванная физиономия глумливо ухмылялась, а в том месте, где у куклы предположительно была грудь, с левой стороны торчала длинная игла. – Господи! – вторично взвизгнула дама и рванула к двери, едва и меня не вытолкав на лестничную клетку.

Я закрыла дверь, с сожалением отметив, что сегодня у соседей будет о чем поговорить. Потом взяла куклу и повертела ее в руках. Сшита она была из женских колготок, лицо – белая ткань, раскрашенная разноцветными фломастерами. В том месте, где торчала игла, маленькое красное сердечко из атласа, которое я поначалу не заметила. Я повертела куклу в руках и сказала вслух:

– Да уж... И к врачу ходить не надо, диагноз напрашива-

ется сам собой.

Я открыла створку шкафа пошире и заглянула внутрь. Шарфы, носки, старая обувь – все вперемешку. На верхней полке шкатулка. В ней обнаружилась еще одна кукла, хотя на этот раз обошлось без иголок. Зато сердце было огромным, пришито, как карман, с трех сторон. Внутри лежала записка. «Запечатываю тебя семью печатями, чтобы твое сердце принадлежало только мне», – прочитала я, а чуть ниже увидела инициалы «Л.А.», обведенные кружочком.

– Ты, подруга, все-таки спятила, – покачала я головой в досаде.

Итак, Светка действительно увлекалась всей этой чертовщиной. Скачала из Интернета энциклопедию и на досуге практиковалась в любовных приворотах. Пыталась вернуть любовь, которой не было. Занятие глупое и не такое уж невинное, но вряд ли за это убивают. Хотя как знать... Если ей подвернулся такой же чокнутый, который верит во всю эту чушь, он, вполне возможно, возжелал отомстить. Вот тебе и внутренности на полу. Надо заглянуть в энциклопедию. Может, это какой-то ритуал?

Тут я перевела взгляд на письменный стол и вновь отметила странность, на которую обратила внимание еще вчера: в квартире отсутствовал компьютер. А ведь, помнится, Светка ночи напролет просиживала за ним. Вряд ли ее привычки изменились.

Я достала телефон и набрала номер Валентины Иванов-

ны. Она мне очень обрадовалась. Я сказала, что нахожусь в квартире Светланы, и задала свой вопрос:

– Разве у нее не было компьютера?

– Был, конечно. Но после смерти Светочки все забрали в милицию. Потом компьютер вернули, его взял племянник.

Я выдохнула. Жаль. Если там и было что интересное, теперь я вряд ли смогу об этом узнать.

Я списала номер телефона Агнессы и тут же ей позвонила. Насчитала пять длинных гудков и уже собралась повесить трубку, но тут мне наконец ответили. Голос был хриплый, простуженный, сразу и не поймешь – мужской или женский.

– Простите, могу я поговорить с Агнессой?

– Кто ее спрашивает?

– Я знакомая ее подруги, Светланы Старостиной.

Последовали короткие гудки. Поговорить с загадочной Агнессой мне захотелось еще больше. Я обследовала стену – нет ли там заодно и ее адреса, и с прискорбием констатировала, что такового нет. Найти в городе человека со столь редким именем вообще-то несложно, вопрос в другом – настоящее ли это имя. Опять же – время следует беречь, как деньги, оттого я сразу подумала об Алексее Дмитриевиче. К тому же мне хотелось еще раз его увидеть – может, придет озарение и я наконец пойму, чем он меня так тревожит? Сегодня среда, и в это время участковый должен быть на боевом посту.

Я вышла из квартиры, спустилась вниз, очень надеясь

встретить во дворе кого-нибудь из местных граждан, кто ответит на вопрос, где найти участкового. Двор был пуст. Беспокоить соседей, звоня по квартирам, я не рискнула, сегодня им и так достаточно тем для пересудов. Проще всего узнать об участковом в отделе коммунального хозяйства. Только я подумала об этом, как обнаружила на стене дома надпись: «В случае аварии звонить...», и далее следовал номер телефона, которым я и воспользовалась... Правда, откликнувшаяся девушка принялась задавать всякие вопросы вместо того, чтобы ответить на мой, но в конце концов все же сказала, что участкового стоит искать в жилищной конторе. Телефон она не знала, а адрес сообщила. Я поехала в контору, которая, к счастью, оказалась в трех кварталах от дома Светланы.

Дверь с табличкой «Участковый» была заперта, хотя расписание часов приема в рамочке рядом с дверью обнадеживало. Я пошла бродить по коридорам в поисках Алексея Дмитриевича. Его я так и не нашла, зато некая сердобольная дама, видя мою печаль, пришла на помощь и объяснила, что Ковалев в отпуске и брожу я здесь напрасно. Конечно, его кто-то замещает, но кто конкретно и где его искать – неизвестно. Так что лучше мне прийти в конце месяца.

На этом поиски можно было бы и прекратить, но я вспомнила, что живет Алексей Дмитриевич неподалеку. Конечно, являться к участковому домой, да еще во время его законного отпуска, невероятное свинство, но вчера его никто не просил бдительность проявлять, реагируя на свет в чужом

окошке, так что вина за мое нахальство всецело лежит на нем.

Подбодрив себя такими мыслями, я свернула в соседний двор, надеясь, что все-таки участкового найду. Судя по словам украшенной мехами Светланкиной соседки, он пользуется большой популярностью у дам в возрасте, так что стоит мне побеседовать с тамошними старушками... Однако со старушками наметились проблемы. Двор был пуст, если не считать кота, в одиночестве гревшегося на солнышке возле первого подъезда. Кодовый замок на двери отсутствовал, я решила заглянуть в подъезд, надеясь, что кто-то из жильцов в это время дома. Позвонила в ближайшую квартиру и стала ждать.

Послышались шаги, я откашлялась, готовя вступительное слово, но надобность в нем отпала: двери распахнулись, и на пороге предстал Алексей Дмитриевич собственной персоной – в стареньких спортивных штанах и футболке. Впечатление он производил снова двоякое. С одной стороны, типичный мент, безденежный и бесперспективный, – и тут без старых спортивных штанов никак. С другой стороны, футболка в обтяжку демонстрировала достоинства фигуры, и посмотреть там было на что, хотя Алексей Дмитриевич плечики опустил и нагнал в глаза тумана, мол, впереди у меня лишь мизерная пенсия, железные зубы и одинокая старость. «Футболочку следовало выбирать осмотрительнее, если желали разжалобить, – мысленно отметила я, но тут же себя

одернула: – Ладно, он боевой офицер и вовсе не обязан быть толстым тупым придурком, мечтающим о собственной даче в Сочи».

– Что случилось? – спросил он тревожно.

– Вы мне снились, – улыбнувшись, сообщила я. – С утра я в тоске и отчаянии. Стало ясно: если я вас не увижу, то брошусь под паровоз.

– Надеюсь, вы все же переоделись во все чистое, потому что если моя жена вас услышит, то паровоз может не понадобиться.

– Думаю, ваша жена отдыхает у тещи, не то вчера вы бы меня в гости не приглашали.

– Так то вчера... – вздохнул он и добавил: – Проходите, чего в дверях стоять.

Я прошла в квартиру, огляделась и выдала свою лучшую улыбку.

– Если у вас и была жена, то вы развелись, – вынесла я вердикт.

– Вот как? – поднял он брови. – А вы психолог.

– Одинокого мужчину, как и одинокую женщину, видно сразу, тут особых знаний психологии не требуется. Отсутствие заботы и женской ласки...

– Так вы меня приласкать пришли? – хмыкнул Алексей Дмитриевич и широко улыбнулся, пряча правую руку с обручальным кольцом в карман штанов.

– Это мы обсудим чуть позже, – кивнула я. – Кстати, когда

вы не изображаете мента, которому, кроме мизерной пенсии, ничего в жизни не светит, за вашими плечами угадывается боевое прошлое.

– Это комплимент? – поинтересовался он.

– Не совсем.

– Моя жена умерла пять лет назад. Рак желудка.

– Извините, – вздохнула я.

– Пять лет большой срок. Успеваешь привыкнуть. Хотите позавтракать?

– Не откажусь, – кивнула я.

– Тогда прошу на кухню.

Квартира у него была однокомнатной. Казенно и чисто, как в казарме. Кухня выглядела веселее – шторы в клеточку, электрический самовар и пестренький фартучек на табурете. Видимо, хозяин снял его, когда услышал звонок.

– Присаживайтесь, – кивнул он на стул, снял с плиты кастрюльку, покопошился в ней, стоя ко мне спиной, и выставил на стол две тарелки с кашей.

– Гадость какая, – не удержалась я.

– Нечего привередничать, каша – самая полезная еда по утрам. А вы довольно нахальная девица, – заметил он с улыбкой, устраиваясь рядом.

– Я же журналистка. У скромной девушки в журналистике нет будущего.

Он уминал кашу, я ковыряла ложкой в тарелке, пока он не сказал:

– Это вкусно, попробуйте.

Я попробовала и с печалью констатировала, что наши вкусы не совпадают.

– Не нравится? – проявил он интерес.

– Я больше колбасу люблю.

– С этим напряг. Пенсию я получу только через две недели, а зарплату и того позже, так что приходится экономить.

– Ладно, приглашу вас в ресторан, накормлю и даже напою, если сделаете доброе дело.

– Еще одно?

– А что полезного вы успели сделать?

– Ресторан вы мне уже задолжали. За вчерашнее.

– А-а... Хорошо, мы сначала пообедаем, а потом поужинаем.

– Так что случилось?

– Случилось страшное. Некая Агнесса не желает со мной говорить, а очень хочется.

– Вам хочется?

– Конечно, мне.

– И что?

– Хочу навестить ее, но не имею адреса. Была бы вам признательна, если бы вы этот адрес для меня раздобыли.

– Постойте, это какая Агнесса? Подруга Светланы?

– Точно. Случайно не знаете, где ее найти?

– Думаете, ей что-то известно?

– Думаю.

– Следователь с ней не раз беседовал.

– Так то следователь...

– Уверен, у вас множество талантов, которые ментам и не снились, и все же...

– Ее телефон был записан на стене, – перебила я. – Я ей позвонила, сказала, что я подруга Светланы, а она тут же повесила трубку. Этому должна быть причина.

– Конечно. Например, такая: ее задолбали вопросами, и она от них устала.

– Адрес узнаете? – посуровела я.

Он поднялся и пошел в прихожую, где у него стоял телефон. Я слышала, как Ковалев разговаривал с неведомым мне Игорем, отметив, что свой интерес к Агнесе он объяснил довольно ловко, избегая упоминаний обо мне. Алексей Дмитриевич вернулся в кухню и положил передо мной листок бумаги.

– Ужин за вами.

– Огромное вам человеческое спасибо, – поднимаясь, сказала я.

– Куда вы?

– К Агнесе.

– Если подождете десять минут, я поеду с вами.

– Зачем? – искренне удивилась я.

– Вы уже забыли про вчерашних ребят? – в свою очередь удивился он.

– Кстати, о ребятах. Вам удалось что-нибудь узнать о на-

шем общем друге? Талызин его фамилия, кажется?

– Побойтесь бога, я участковый, а не помощник президента, чтобы все мои пожелания исполнялись за пять минут.

– Жаль, что вы не помощник президента, – погоревала я. – Но что-то полезное вы успели сделать?

– Разумеется. Мои друзья пытаются выяснить, что это за тип.

– Надеюсь, они поторопятся.

– Зря вы так. У них и без того работы по горло. Пейте чай, я пошел переодеваться.

Пить чай я не стала, а подошла к окну. Разглядывала двор, свою машину, мусорные баки и кота, который перебрался от подъезда к детским качелям.

– Я готов, – услышала я за своей спиной и повернулась.

Алексей Дмитриевич стоял в дверях в джинсах и свитере, в котором был вчера. Я вышла в прихожую, и вскоре мы покинули квартиру.

Агнесса жила в спальном районе, довольно далеко от дома Ковалева. Алексей Дмитриевич смотрел в окно машины, вопросами мне не досаждал, только иногда подсказывал, где свернуть. Мы притормозили возле девятиэтажки, и я сказала:

– Ждите здесь.

Возражать он не стал. Хоть он и в отпуске, однако начальству вряд ли понравится, что он занялся самодеятельностью.

Агнесса жила на седьмом этаже. Я позвонила в дверь и долго ждала, когда ее откроют, уверенная, что хозяйка дома. Наконец дверь чуть приоткрылась. В темной прихожей стояла женщина, которая в первый момент показалась мне старухой. Спутанные пряди седых волос, бледное лицо и взгляд... Взгляд ее мне особенно не понравился. Так могла смотреть сумасшедшая, а я надеялась встретиться со здравомыслящим человеком.

– Вы кто? – спросила она и облизнула губы.

– Я вам звонила.

– Ну и что?

«Зря я приехала», – с печалью решила я.

– Нам надо поговорить, – ответила я со вздохом.

– О чем? Вы ничего не понимаете...

– Я постараюсь, – заверила я. – Может, мы посидим в кафе, выпьем кофе и поговорим? – Голос мой звучал умоляюще.

Женщина посмотрела на меня как-то странно. Может, обратила внимание на наше сходство со Светкой?

– Ладно, заходите, – кивнула она и распахнула дверь.

Я вошла в узкую прихожую. На первый взгляд квартира не отличалась от большинства обычных квартир, виденных мною. Добротная мебель, салфеточки, ковер, тюлевые занавески на окнах. Никаких тебе надписей, кукол с иглами в груди и прочей чертовщины. Это порадовало. Агнесса шла за мной, хмуро ко мне приглядываясь.

– Я знаю, кто вы, – вдруг заявила она. – Светлана о вас рассказывала. Поэтому и пустила вас в дом.

– Вы кого-то боитесь?

– Сатаны, – серьезно ответила она. – И его воинства.

– Вот как?

– Вы из тех, для кого это все ерунда. Думаете, я спятила?

– Нет, не думаю, – ответила я серьезно. Теперь я могла ее как следует рассмотреть. Старухой она не была. Лет сорока пяти, не больше. Лицо решительное и даже властное. Но что-то безумное было в ее взгляде – возможно, некая фанатичная убежденность, что она знает то, что другим не дано.

– Вы журналистка? – зачем-то спросила она, потому что тут же сообщила: – Я знаю, Света говорила. Она хотела написать вам. Была убеждена, что вы сможете помочь. – Женщина усмехнулась и покачала головой. – С сатаной можно бороться, лишь имея веру. Она ее не имела и погибла. И вы погибнете. Так что уезжайте туда, откуда приехали.

– По-вашему, Светлану убил сатана? – кашлянув, спросила я.

– Все-таки решили, что я сумасшедшая? Ну-ну. Сатана живет в каждом из нас, – помедлив, продолжила странная Агнесса. – Он может быть вашим соседом, добрым милым старичком. Или ребенком.

– И как надо с ним бороться?

Женщина прошлась по комнате, хмуро поглядывая на меня.

– В вас я вижу одно: безверие. Вы слушаете и не слышите. Зря она рассчитывала на вас. Вы ничего не сможете. Ничего.

– Допустим, мне сложно принять какие-то вещи, но...

– Веры не бывает наполовину. Она либо есть, либо ее нет.

В вас самой силен дьявол. Как вы собираетесь его победить?

– Простите, следовательно наверняка разговаривал с вами...

– Все они – приспешники дьявола. Пляшут под его дудку.

– У дьявола была причина расправиться со Светланой?

Я имею в виду, особая причина?

Агнесса долго не отвечала, смотрела на меня, точно оцениваясь.

– Разумеется. Она хотела... Она пыталась вывести его слуг на чистую воду, показать их истинное лицо.

– Вы имеете в виду вице-губернатора?

– Кого? Ах, это... Нет. Он выдает себя за мессию. «Придите ко мне, обиженные и угнетенные...» А на самом деле он одержим дьяволом. Я знаю это лучше других. И Светка знала. Оттого и погибла.

– О ком вы говорите? Кто этот человек? В милиции считают...

– Они покрывают сатану. Они лгут. От первого слова до последнего – все ложь. И я им ничего не скажу, потому что знаю, кому они служат.

Я уже потеряла терпение слушать все это. Мне стало ясно, что у Агнессы явные проблемы с головой, и вряд ли я узнаю что-то полезное. И все-таки спросила:

– Вам солгали в милиции?

– Все. Они скрывают. Потому что боятся. Или служат ему.

– Что скрывают?

– Они знают, кто убил Светлану. Должны знать, а они молчат. Они скрывают, сколько было трупов. Тех, кто погиб во славу сатаны.

– Вы хотите сказать, что... что Светлана погибла не одна? – насторожилась я.

Женщина скорбно улыбнулась:

– Конечно. Людей убивают, чтобы сделать его сильнее.

– Ритуальные убийства?

– Безразлично, как вы это назовете. Он вышел на охоту, и он не остановится.

– Сколько человек погибло? – быстро спросила я.

– Я знаю еще о двоих, не считая Светланы. Но они молчат. Они не желают...

– Они... это милиция?

– Конечно. Если они скрывают, значит...

– Есть причина, – подсказала я.

– Причина может быть только одна: они его пособники.

Пособники дьявола.

– Откуда вы знаете об убийствах? Я ничего подобного в газетах не обнаружила.

– Еще бы. Они скрывают.

– Как о них могли узнать вы?

– Он убил мою мать.

– Кто он? Дьявол? Откуда вы знаете об убийствах?

– Знакомая Светланы, – немного замешкавшись, ответила Агнесса, – работает в морге. Она рассказала ей, а Светлана мне.

– Светлана заинтересовалась этими убийствами? Хотела провести расследование? – спросила я. Она молча кивнула. – Вы кого-то подозреваете? – Не очень-то я надеялась, что моя странная собеседница ответит на этот вопрос, но не задать его не могла.

Агнесса засмеялась:

– Вы не понимаете. У дьявола множество лиц. И множество слуг. Берегитесь.

– Агнесса – ваше настоящее имя? – вновь спросила я. – Светлана назвала вас святой Агнессой и считала, что вы можете противостоять...

– Никто не может ему противостоять, в том смысле, как вы это себе представляете. Дьявол в нас самих. Изгнать его из своей души нелегко, бороться с ним невозможно, он принимает разные обличья. Ты думаешь, что это ангел, а он бес. Теперь понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.